В. А. ПОССЕ.

ИЗЪ ИСТОРІИ
КОММУНИСТИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ.

ОЧЕРКЪ.

1906.

Изъ исторіи коммунистическихъ идей.

I.

Древне-греческій коммунизмъ.—Христіанскій коммунизмъ.—„Утопія“ Томаса Мора.

Зачатки коммунизма, какъ протеста противъ права частной собственности и связаннаго съ этимъ правомъ имущественнаго неравенства и какъ ученія о переустройствѣ общества на основѣ уравнительнаго пользованія всѣми жзненными благами, можно найти уже въ древнемъ мірѣ. Въ древней Греціи нѣкоторые философы высказывались за переустройство общества на началахъ общаго пользованія землею и полнаго равенства.

Таково было, по свидѣтельству Аристотеля, ученіе Фалеаса изъ Халкидона.

На пропаганду коммунистическихъ идей, которымъ, видимо, особенно сочувствовали женщины, указываетъ и сатирическая комедія Аристофана: „Общество женщинъ“. Аристофанъ изображаетъ полный упадокъ аѳинскаго государственнаго строя. Въ народномъ собраніи ставится на обсужденіе вопросъ, какъ спасти государство. Одна женщина, переодѣтая мужчиной, предлагаетъ передать управленіе государствомъ въ руки женщинъ.

Предложеніе принимается, благодаря своей необычайности. Женщины становятся у кормила правленія и вводятъ коммунизмъ. Что понималось во время Аристофана подъ коммунизмомъ, видно изъ разговора двухъ дѣйствующихъ лицъ въ вышеупомянутой комедіи.

„Всѣ собственники — воры“, — заявляетъ Блерусъ. „Въ настоящее время это такъ — отвѣчаетъ Параксагоръ, — но при коммунистическихъ порядкахъ не будетъ собственниковъ, не будетъ и воровъ“.

— Какимъ это образомъ?

— Что тогда красть? Все будетъ общимъ.

— А если ко мнѣ придутъ ночью грабители?

— Отдай имъ добровольно одежды: изъ общаго имущества ты получишь еще лучшія... Всякое имущество должно быть общимъ, и каждый долженъ имѣть свою часть для жизни... Всѣ получатъ право на все: землю, деньги, хлѣбъ, лакомства, одежду, вино, вѣнки и т. п.

Аристофанъ, какъ врагъ коммунизма, старается, разумѣется, привести сторонниковъ его къ абсурду.

Коммунистическую окраску несомнѣнно носило ученіе знаменитаго Пиѳагора, который вмѣстѣ со своими учениками старался построить жизнь на коммунистическихъ началахъ. Однимъ изъ принциповъ пиѳагорейцовъ было: „между друзьями все общее“.

Но особенно полно развилъ „коммунистическія идеи“ Платонъ въ своемъ „Государствѣ“. Говоря о современномъ ему „государствѣ“, онъ отмѣтилъ существованіе двухъ классовъ, нарушающихъ государственное единство. Вмѣсто одного государства являются два: государство бѣдныхъ и государство богатыхъ. Они живутъ вмѣстѣ, но относятся другъ къ другу враждебно. „Господствующій классъ въ концѣ концовъ не въ состояніи вести войну, такъ какъ онъ долженъ тогда пользоваться народной массой, а ее, разъ она вооружена, онъ боится больше, чѣмъ внѣшняго врага“.

Этому несовершенному строю Платонъ противопоставляетъ строй, по его мнѣнію, совершенный, при которомъ два высшихъ класса (стражей и философовъ-правителей) ведутъ коммунистическій образъ жизни, имѣя общія жилища, одежду, общихъ женъ и дѣтей.

„Общность женъ и дѣтей,—говоритъ Платонъ,—доставитъ величайшее благо. Каждый будетъ видѣть въ другомъ сестру или брата, сына или дочь, отца или мать“.

У древнихъ египтянъ и китайцевъ тоже можно найти слѣды коммунизма, носящаго религіозный характеръ: многіе египетскіе жрецы и буддійскіе монахи вели коммунистическій образъ жизни. Вообще древнія религіи покровительствуютъ коммунизму, какъ отзвуку старины, какъ остатку первобытныхъ общественныхъ отношеній, свободныхъ отъ права частной собственности. Даже въ священныхъ книгахъ еврейскаго народа слышится, правда, *очень слабая* коммунистическая нота.

Въ пятой книгѣ Моисеевой (Второзаконіи) встрѣчаются такія предписанія:

„И пусть прейдетъ Левитъ, ибо ему нѣтъ части и удѣла съ тобою, и пришелецъ, и сирота, и вдова, которые въ жилищахъ твоихъ, и пусть ѣдятъ и насыщаются, дабы благословилъ тебя Господь Богъ твой во всякомъ дѣлѣ рукъ твоихъ, которые ты будешь дѣлать“.

„Въ седмый годъ дѣлай прощеніе. Прощеніе же состоитъ въ томъ, чтобы всякій заимодавецъ, который далъ взаймы ближнему своему, простилъ и не взыскивалъ съ ближняго своего или съ брата своего; ибо провозглашено прощеніе ради Господа, Бога твоего“.

Но это лишь одна противособственническая капля въ морѣ собственническихъ повелѣній и вожделѣній. Въ ортодоксальной еврейской религіи господствовало собственническое начало, за то въ отдѣлившейся отъ

нея ессейской сектѣ восторжествовалъ коммунизмъ въ законченной и строгой формѣ.

Секта ессеевъ появилась въ началѣ II вѣка до Р. Х. Ессеи жили обособленными отъ остальныхъ евреевъ колоніями на сѣверо-западъ отъ Мертваго моря. Жизнь ихъ построена была на товарищеской взаимопомощи; они признавали лишь общую собственность; безусловно отрицали рабство; не дѣлали и не носили оружія, отвергая войну. Большинство изъ нихъ вели безбрачную жизнь, но брали на воспитаніе чужихъ дѣтей. Тѣ, которые вступали въ бракъ, прекращали половое общеніе, какъ только наступала беременность, желая показать, что они вступаютъ въ половое общеніе исключительно для воспроизведенія дѣтей.

Ессеизмъ несомнѣнно подготовилъ почву христіанству; въ этомъ сходятся всѣ ученые. Христіанское или вѣрнѣе Христово ученіе имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ коммунизмомъ всѣхъ временъ, даже съ коммунизмомъ нашихъ дней.

Въ Евангеліи встрѣчаются рѣзкіе протесты противъ частной собственности и семейной обособленности. Приведемъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ:

„Тогда одинъ книжникъ, подошедши къ нему, сказалъ ему: Учитель! я пойду за тобою, куда бы ты ни пошелъ. И говоритъ ему Іисусъ: лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя гнѣзда; а Сынъ человѣческій не имѣетъ, гдѣ преклонить голову“ (Матѳ. VIII, 20).

„Іисусъ сказалъ ему (богатому юношѣ): если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, и слѣдуй за мной. Услышавъ слово сіе, юноша отошелъ съ печалію; потому что у него было большое имѣніе. Іисусъ же сказалъ ученикамъ своимъ: истинно говорю вамъ, что трудно богатому войти въ царство небесное. И еще говорю вамъ: удобнѣе вер-

блюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царство Божіе (Матѳ. XIX, 21 -24).

„Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ. Ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше“ (Матѳ. VI, 19—22).

Каково было отношеніе Христа къ куплѣ-продажѣ, видно изъ словъ, которыми онъ сопроводилъ изгнаніе продавцевъ и мѣновщиковъ изъ храма.

„И вошелъ Іисусъ въ храмъ Божій, и выгналъ всѣхъ продающихъ и покупающихъ во храмѣ, и опрокинулъ столы мѣновщиковъ и скамьи продающихъ голубей. И говорилъ: написано: домъ мой домомъ молитвы наречется, а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ“ (Матѳ. XXI, 12—13).

Въ извѣстномъ чудѣ о надѣленіи пяти тысячъ народа семью хлѣбами можно видѣть символъ братскаго единенія, при которомъ каждый дѣлится съ другими всѣмъ, что у него есть, и тогда вмѣсто кажущагося недостатка жизненныхъ припасовъ оказывается ихъ изобиліе.

Какъ Христосъ со своими учениками, такъ и первые ихъ послѣдователи вели коммунистическій образъ жизни.

„У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее“ (Дѣянія Апостоловъ IV, 32).

„Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго. И полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ (Дѣян. Ап. IV, 34—35).

Изъ апостоловъ рѣзче всѣхъ противъ богатыхъ, угнетающихъ и эксплуатирующихъ работниковъ, выступаетъ Іаковъ.

„Послушайте, вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъѣдены молью. Золото ваше и серебро изоржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствовать противъ васъ, и съѣсть плоть вашу, какъ огонь: вы собрали себѣ сокровища на послѣдніе дни. Вотъ плата, удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіетъ: и вопли жнецовъ дошли до слуха Господа Саваоѳа. Вы роскошествовали на землѣ и наслаждались; напитали сердца ваши, какъ бы на день закланія“ (Посл. Іакова V, 1—5).

Коммунистическіе взгляды проповѣдывали и нѣкоторые епископы христіанской церкви, но, разумѣется, лишь въ первые вѣка ея существованія, пока она еще не ставила своею главною задачей поддержку сильныхъ міра сего.

Епископъ Климентъ I, жившій въ первомъ столѣтіи по Р. Х., говорилъ: „Пользованіе всѣми вещами въ этомъ мірѣ должно быть общимъ для всѣхъ. Несправедливо говорить: это моя собственность, это принадлежитъ мнѣ, то—другому. Отсюда произошелъ разладъ между людьми“.

Въ томъ же духѣ высказывается епископъ Амвросій миланскій, жившій въ IV-мъ вѣкѣ.

„Природа,—говорилъ онъ,—даетъ всѣ блага всѣмъ людямъ сообща; ибо Богъ создалъ всѣ вещи съ тѣмъ, чтобы онѣ служили для общаго наслажденія всѣхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ земля становится общею собственностью. Природа, такимъ образомъ, создала право общности, а право собственности создано лишь несправедливымъ присвоеніемъ“.

Св. Іоаннъ Хризостомъ, жившій тоже въ IV вѣкѣ,

утверждалъ, что „никто не долженъ называть ничего своимъ собственнымъ; отъ Бога мы все получили для совмѣстнаго пользованія, мое и твое—слова лжи".

Наконецъ, св. Августинъ, жившій въ началѣ V вѣка, высказывался слѣдующимъ образомъ: „Такъ какъ существуетъ частная собственность, то существуютъ и судебные процессы, вражда, раздоры, войны, возстанія, грѣхи, несправедливости, убійства. Откуда происходятъ всѣ эти бичи? Единственно отъ собственности".

Опредѣленнѣе и рѣшительнѣе трудно высказаться любому современному коммунисту.

Но чѣмъ могущественнѣе и богаче становилась церковь, тѣмъ неумѣстнѣе представлялся ей коммунизмъ, и въ концѣ концовъ епископы и папы стали выступать съ рѣшительнымъ осужденіемъ коммунизма.

Папа Пій IX въ энцикликѣ Nostis et nobiscum, оповѣщенной 8 декабря 1849 года, осуждая коммунизмъ, указываетъ, что право собственности освящено собственностью церковною. Государи, „покупая и продавая имѣнія, принадлежащія церкви на основаніи законнаго права собственности, ослабили уваженіе народа къ собственности, освященной своимъ религіознымъ предназначеніемъ, и развили въ немъ склонность прислушиваться къ рѣчамъ проповѣдниковъ соціализма и коммунизма, которые угрожаютъ отнять, раздѣлить или передать въ общее пользованіе всю остальную собственность".

Изгоняемый изъ ортодоксальной церкви, коммунизмъ находитъ себѣ гостепріимный пріютъ у различныхъ сектантовъ и еретиковъ. Таковы въ VII—VIII в. манихейцы, затѣмъ въ XI и XII вв. катары и валденцы; въ XIII в. фратичелли, дульцинисты, „апостолы" и др. Въ концѣ XV вѣка много приверженцевъ пріобрѣтаетъ чешскій пророкъ Богеймъ, проповѣдывавшій ученіе, близкое къ религіозному коммунизму. „Князья, духов-

ные и свѣтскіе, будутъ имѣть только то, что будетъ имѣть и народъ; тогда у всѣхъ будетъ всего довольно; дойдетъ до того, что князья и господа станутъ работать, какъ поденщики. Рыба въ водѣ и дичь въ полѣ будутъ принадлежать всѣмъ; подати, барщины, проценты, оброки, десятины духовнымъ и свѣтскимъ господамъ будутъ отмѣнены".

Вслѣдъ за Богеймомъ появляются анабаптисты, пытающіеся осуществить коммунизмъ революціоннымъ путемъ. По ихъ ученію, среди христіанъ должна быть установлена общность имуществъ, „какъ это было въ апостольскія времена".

Всѣ эти коммунистическія ученія носили религіозный характеръ и основывались на Евангеліи и жизни первыхъ христіанъ.

Въ XVI вѣкѣ появляется коммунистическое ученіе, не имѣющее религіознаго характера и опирающееся не на завѣты апостоловъ, а на прекрасное знакомство съ тогдашнимъ общественнымъ строемъ и внимательное изученіе греческихъ классиковъ, главнымъ образомъ, Платона.

Мы имѣемъ въ виду соціальный романъ Томаса Мора „Утопію", изданный въ 1518 году. Отъ „Утопіи" произошло слово „утопизмъ", которымъ обозначаются проекты произвольно придуманные, несбыточные, не имѣющіе реальной основы въ фактахъ дѣйствительности. Люди такъ называемыхъ „здравыхъ понятій" любятъ отождествлять всякій коммунизмъ съ утопизмомъ, хотя, напр., современный пролетарскій коммунизмъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названъ утопичнымъ.

Что касается до „Утопіи" *) Томаса Мора, то въ ней,

---

*) Этимологія слова „Утопія" греческая, оно составлено Моромъ изъ οὐ (не) и τόπος (мѣсто), такъ что утопія—страна, не имѣющая на землѣ мѣста.

на ряду со многими произвольно придуманными установленіями, осуществлять которыя человѣчество никогда не станетъ, есть совершенно правильныя представленія о коренныхъ причинахъ общественнаго зла и способахъ ихъ устраненія.

Вотъ какъ, напримѣръ, о связи между правомъ частной собственности и общественнымъ благополучіемъ говоритъ Т. Моръ устами Рафаила Гитлодея, въ первой части „Утопіи“:

„Вездѣ, гдѣ существуетъ право собственности, гдѣ все измѣряется на деньги, о справедливости и общественномъ благополучіи не можетъ быть и рѣчи: можешь ли ты допустить, что самыя драгоцѣнныя сокровища находятся въ рукахъ недостойныхъ и можно ли назвать вполнѣ счастливымъ такое государство, гдѣ общественное достояніе служитъ добычей въ рукахъ горсти людей, ненасытныхъ въ наслажденіяхъ, между тѣмъ какъ масса гибнетъ отъ нищеты“.

„Во всѣхъ странахъ принципъ „мое и твое“ поддерживается организаціей, механизмъ которой настолько же сложенъ, какъ и ошибоченъ. Мы насчитываемъ уже тысячи законовъ, хотя число ихъ все еще слишкомъ мало для того, чтобы каждый человѣкъ могъ добыть собственность, сохранить ее за собой и оградить отъ собственности другого лица. Примѣромъ могутъ служить сотни судебныхъ дѣлъ, которыя появляются съ каждымъ годомъ и никогда не заканчиваются.

Когда я предаюсь этимъ размышленіямъ, я всегда принужденъ бываю отдать полную справедливость Платону и нисколько не удивляюсь, что онъ не хотѣлъ писать законовъ для такихъ народовъ, которые отвергли общность имущества. Этотъ великій умъ ясно предвидѣлъ, что единственное средство обосновать общественное счастье заключается въ примѣненіи принципа равенства. Однако, я полагаю, что равенство немыслимо

въ государствѣ, гдѣ имущество остается принадлежащимъ отдѣльнымъ лицамъ; при этомъ каждый старается всякими правдами и неправдами присвоить себѣ столько, сколько можетъ, и общественное богатство рано или поздно попадаетъ въ руки нѣсколькихъ единицъ, между тѣмъ какъ прочимъ достается на долю нищета и бѣдность“... „Вотъ это-то и убѣждаетъ меня самымъ неоспоримымъ образомъ, что единственное средство раздѣлить имущество равномѣрно и справедливо и положить начало всеобщему благополучію, заключается въ томъ, чтобы уничтожить право собственности. Пока она будетъ служить фундаментомъ общественной постройки, самымъ многочисленнымъ и производительнымъ классамъ остается на долю только бѣдноотъ, горе и отчаянье“.

Высказываясь устами того же Гитлодея противъ смертной казни, Моръ говоритъ:

„Смертная казнь настолько же несправедливое, какъ и безполезное наказаніе... Въ этомъ случаѣ правосудіе Англіи и многихъ другихъ странъ напоминаетъ плохого учителя, который охотнѣе бьетъ ученика, чѣмъ учитъ его. Не лучше ли было бы обезпечить всѣмъ членамъ общества возможность существованія, чтобы никто не былъ поставленъ въ необходимость сначала красть, а потомъ быть лишеннымъ жизни?“

„Вы создали воровъ, чтобы насладиться зрѣлищемъ ихъ повѣшенія“.

„Самая существенная причина общественной бѣдности—говоритъ далѣе Моръ—заключается въ неизмѣримомъ количествѣ „благородныхъ“, которые, подобно праздным трутнямъ, питаются работой и потомъ своихъ ближнихъ, предоставляя имъ обрабатывать свои поля и высасывая изъ арендатора всю его кровь, чтобы увеличить свои доходы; другого способа они не знаютъ“.

Противопоставляя этому строю угнетенія, непосиль-

наго труда и праздности свое идеальное общество „Утопію“, Моръ разсказываетъ, что всѣ утопійцы работаютъ, но физическимъ трудомъ каждому приходится заниматься въ сутки лишь 6 часовъ.

Заранѣе отвѣчая на возраженіе, что 6 часовъ ежедневной работы для удовлетворенія общественныхъ нуждъ недостаточно, Моръ указываетъ на массы праздныхъ людей во всѣхъ странахъ.

„Прежде всего таковы почти всѣ женщины, составляющія половину населенія на земномъ шарѣ, а затѣмъ и мужчины въ тѣхъ странахъ, гдѣ всѣ работы падаютъ на долю женщинъ. Затѣмъ огромная масса священниковъ и разныхъ церковныхъ праздношатающихся служителей. Приложимъ къ этому еще всѣхъ богатыхъ помѣщиковъ, называемыхъ „дворянами“, присоединимъ къ нимъ еще цѣлыя полчища ихъ прислуги, этихъ тунеядцевъ въ ливреяхъ; не забудемъ также и здоровыхъ нищихъ, скрывающихъ свою лѣнь подъ вымышленными недугами. Въ результатѣ тебѣ станетъ ясно, что число людей, доставляющихъ трудомъ своимъ средства къ пропитанію человѣческаго рода, оказывается гораздо ничтожнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Теперь вспомни, какъ мало трудящихся людей занимается дѣйствительно нужнымъ и полезнымъ дѣломъ, что въ нашъ вѣкъ наживы денегъ, являющихся для всѣхъ божествомъ и всеобщимъ мѣриломъ, множество ненужныхъ и пустыхъ искусствъ культивируется единственно въ угоду роскоши и разврата“.

„Допустимъ, что мы привлечемъ къ полезнымъ работамъ и тѣхъ, кто изготовляетъ теперь только предметы роскоши, и тѣхъ, кто ровно ничего не дѣлаетъ, между тѣмъ какъ каждый изъ нихъ потребляетъ заработокъ двухъ дѣйствительныхъ работниковъ; легко понять, что у этихъ людей будетъ болѣе времени, чѣмъ

нужно для того, чтобы позаботиться о потребностяхъ, удобствахъ и даже удовольствіяхъ жизни".

Женщину въ своей „Утопіи" Томасъ Моръ ставитъ въ подчиненное положеніе къ мужчинѣ.

„Женщины повинуются мужьямъ, дѣти родителямъ, а въ своей средѣ—младшій старшему".

Но онъ требуетъ, чтобы женщинѣ дана была возможность развиваться физически и духовно наравнѣ съ мужчиной. Ученость женщинъ онъ считаетъ благомъ высшимъ, чѣмъ „богатство Креза и красота Елены". Если женщина въ среднемъ по своимъ природнымъ способностямъ ниже мужчины, то отсюда, по мнѣнію Мора, не слѣдуетъ, чтобы ее нужно было устранить отъ образованія, участія въ общественной жизни и т. д.

„Надо обрабатывать и неплодородную почву, чтобы исправить природу посредствомъ усидчиваго труда и упорныхъ научныхъ занятій".

Многое, что было очевидно утописту Томасу Мору въ XVI вѣкѣ, недоступно пониманію нѣкоторыхъ „здравомыслящихъ", „образованныхъ людей" XX вѣка. Тѣмъ болѣе „непонятенъ" былъ Томасъ Моръ огромному большинству своихъ современниковъ; духовнаго сродства у него меньше со своими, сотоварищами по англійскому парламенту, чѣмъ съ русскими пролетаріями XX вѣка.

Томасъ Моръ высоко стоялъ на общественной лѣстницѣ, будучи лордомъ казначейства (министромъ финансовъ) и затѣмъ канцлеромъ герцогства Ланкастерскаго. Король Генрихъ VIII сначала осыпалъ его милостями, но Моръ искренно думалъ, что „достигать счастья, не нарушая законовъ, это—мудрость; работать для общей пользы—это религія; топтать ногами счастье ближняго, имѣя въ виду только свое собственное—это преступленіе".

Такой человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться въ концѣ концовъ неудобнымъ тирану, „топчащему счастье ближнихъ“.

Генрихъ VIII произвольно нарушалъ всѣ законы, Томасъ Моръ не хотѣлъ слѣдовать за королемъ по этому пути.

За отказъ отъ новой присяги королю, какъ верховному главѣ англійской церкви, Моръ былъ преданъ суду присяжныхъ.

Присяжные въ угоду королю признали Мора виновнымъ, не читая даже обвинительнаго акта. Судъ приговорилъ его къ четвертованію. Король замѣнилъ четвертованіе отсѣченіемъ головы. Это была послѣдняя королевская милость. „Избави Богъ моихъ друзей отъ подобныхъ милостей“,—воскликнулъ Моръ.

6-го іюня 1535 года великій утопистъ и гуманистъ, такъ много боровшійся противъ смертной казни, былъ обезглавленъ на одной изъ площадей Лондона, который до сихъ поръ долженъ гордиться имъ, какъ однимъ изъ своихъ геніальныхъ гражданъ *).

II.

Ж. Ж. Руссо.—Морелли.—Бабефъ.—Сенъ-Симонъ.—Фурье.—Кабе.—Дезами.—Консидеранъ.—Прудонъ.—Штирнеръ.

Въ XVIII вѣкѣ проповѣдники коммунистическихъ идей появляются преимущественно во Франціи, которая въ идейно-революціонномъ отношеніи становится на первое мѣсто среди другихъ странъ.

---

*) При изложеніи взглядовъ Томаса Мора мы пользовались прекраснымъ переводомъ „Утопіи“, сдѣланнымъ А. Г. Генкелемъ и приложеннымъ къ этому переводу біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Н. А. Макшеевой.

У идейнаго „творца“ одного изъ основныхъ настроеній французской революціи, у Жанъ Жака Руссо встрѣчаются коммунистическія идеи, правда, почти совершенно заглушаемыя буржуазной идеологіей и фальшивымъ мѣщанскимъ сентиментализмомъ.

Въ „Разсужденіи о происхожденіи неравенства между людьми“ Руссо одной изъ главныхъ причинъ исчезновенія первобытнаго человѣческаго счастья считаетъ установленіе собственности на землю. Обманщикомъ и врагомъ человѣчества былъ тотъ, кто „первый огородилъ участокъ земли, сказавъ, что эта земля моя“. Другъ человѣчества долженъ былъ бы вырвать колья, которыми была огорожена эта первая поземельная собственность, и воскликнуть: „вы погибли, если забудете, что плоды принадлежатъ всѣмъ, а земля никому“. Установленіе поземельной собственности ведетъ, по Руссо, къ раздѣленію людей на богатыхъ и бѣдныхъ. Богатые коварствомъ добиваются законовъ, охраняющихъ ихъ собственность, служащихъ однимъ изъ новыхъ средствъ обогащенія немногихъ и въ то же время обрекающихъ огромное большинство на вѣчный трудъ, униженія и всевозможныя лишенія. Вмѣстѣ съ законами появляется правительство, и устанавливается новое неравенство сильныхъ и слабыхъ, которые превратились затѣмъ въ господъ и рабовъ.

Коммунизмъ былъ у Руссо во всякомъ случаѣ нотой болѣе или менѣе случайной, Руссо легко отступаетъ отъ него, заявляя въ статьѣ о „политической экономіи“, что „право собственности — самое священное изъ всѣхъ правъ гражданина“.

Предреволюціоннымъ французскимъ коммунистомъ является не Руссо, а Морелли. Свои коммунистическіе взгляды Морелли сначала воспѣлъ въ соціальной поэмѣ „Базиліадѣ“, (1753 г.) а затѣмъ догматически изложилъ въ „Кодексѣ природы“ (1755 г.).

По Морелли естественныя склонности человѣка хороши, и все зло внесено въ человѣческую жизнь частной собственностью.

Уничтожить зло можно лишь устраненіемъ частной собственности на землю и всѣ средства производства, введеніемъ общихъ жилищъ и общаго равнаго воспитанія дѣтей. Работа должна быть распредѣляема по силамъ и способностямъ, продукты по потребностямъ.

Таланты берутъ на себя руководство работой въ общественномъ интересѣ. Никакими другими преимуществами они не пользуются. Всѣ граждане обязаны трудиться, поэтому каждому приходится трудиться для удовлетворенія своихъ потребностей сравнительно немного. Всѣ обязаны помогать другъ другу, и это обязательство распространяется не только на отдѣльныхъ лицъ, не только на группы лицъ, но и на цѣлыя провинціи. Провинціи обмѣниваются продуктами по потребностямъ,—передавая другъ другу производимыя каждой изъ нихъ продукты безъ всякаго вознагражденія; такъ, напр., провинція, производящая хлѣба болѣе, чѣмъ нужно для ея жителей, передаетъ его избытокъ той провинціи, въ которой хлѣба производится слишкомъ мало.

Морелли вводитъ обязательство не только работы, но и брака. „Каждый гражданинъ, достигшій зрѣлаго возраста, женится; никто не можетъ уклониться отъ исполненія этого закона, разъ ему позволяетъ здоровье... Въ началѣ каждаго года публично совершается праздникъ брака. Собираются молодые люди обоихъ половъ, и въ присутствіи сената общины (Cité) каждый юноша выбираетъ себѣ дѣвушку и, получивъ отъ нея согласіе, беретъ ее себѣ въ жены“.

Бракъ—нерасторжимъ въ теченіе 10 лѣтъ, затѣмъ допускается разводъ, если этого желаетъ хотя бы одна только сторона.

Въ излишнемъ регламентированіи жизни и въ созданіи всевозможныхъ обязательствъ—слабая сторона коммунизма Морелли. Для приданія силы обязательствамъ ему приходится высказаться за систему суровыхъ наказаній противъ ослушниковъ.

Основы ученія Морелли были восприняты однимъ изъ наиболѣе вдумчивыхъ, искреннихъ и рѣшительныхъ дѣятелей французской революціи Гракхамъ Бабефомъ *).

Бабефъ, убѣдившись, что великая французская революція принесла выгоды одной только буржуазіи, оставивъ въ нуждѣ и фактическомъ безправіи народную массу, задумалъ путемъ заговорщицкаго возстанія добитья для неимущихъ и трудящихся настоящаго освобожденія, которое, по его представленію, немыслимо безъ уничтоженія самой существенной привилегіи, привилегіи богатства и праздности.

Бабефъ полагалъ, что пролетаріату прежде всего нужно захватить политическую власть; въ этомъ отношеніи онъ истинный предтеча современной оффиціальной соціалдемократіи.

Для захвата власти Бабефъ вмѣстѣ съ своими друзьями Дартэ, Буонаротти, Марешалемъ и другими устроилъ въ 1795 г., послѣ ниспроверженія Робеспьера, тайное „общество равныхъ“, поставившее себѣ цѣлью путемъ народнаго возстанія захватить власть и затѣмъ ввести вновь демократическую конституцію 1793 г. съ всеобщей подачей голосовъ, чтобы начать осуществлять коммунизмъ по своеобразной системѣ, выработанной Бабефомъ подъ вліяніемъ сочиненій Морелли.

---

*) При крещеніи Бабефъ получилъ имя Франциска, но по тогдашнему революціонному обычаю онъ принялъ имя одного изъ дѣятелей древняго міра. Выборъ его палъ на Гракха, самоотверженнаго защитника обездоленныхъ въ древнемъ Римѣ.

Заговорщики были выданы измѣнникомъ, проникшимъ въ „общество равныхъ“. Самъ Бабефъ, Буонаротти и многіе другіе были арестованы во время приготовленій къ возстанію. Ихъ сторонники сдѣлали безуспѣшную попытку взбунтовать солдатъ въ Гренельскомъ военномъ лагерѣ. Они явились къ солдатамъ, какъ друзья, съ виномъ, закусками и т. д.; но были встрѣчены выстрѣлами. Многіе были захвачены въ плѣнъ и преданы военному суду: 31 человѣкъ были приговорены къ смерти и разстрѣлены.

Бабефа, Буонаротти и другихъ арестованныхъ по доносу измѣнника долго держали въ предварительномъ заключеніи и затѣмъ предали суду присяжныхъ. Судъ призналъ ихъ виновными въ стремленіи насильственнымъ путемъ возстановить конституцію 1793 г. Бабефъ и Дартэ были приговорены къ смерти. Буонаротти и 6 другихъ обвиняемыхъ къ каторжнымъ работамъ.

Бабефъ и Дартэ, послѣ неудачной попытки убить другъ друга, чтобы избѣжать казни, сложили свои головы подъ безпощадный ножъ „революціонной“ гильотины.

Для потомства коммунистическую систему Бабефа изложилъ Буонаротти, сохранившій революціонный энтузіазмъ, несмотря на долгое и тажелое тюремное заключеніе. Книга Буонаротти сослужила огромную службу въ дѣлѣ распространенія „бабувизма“ (какъ стали называть ученіе Бабефа), а вмѣстѣ и вообще коммунизма.

Первый параграфъ системы Бабефа въ изложеніи Буонаротти гласитъ такъ: „Каждому человѣку природа дала равное право пользоваться всѣми благами жизни“. Во второмъ параграфѣ цѣлью человѣческаго общества признается „охрана этого равенства и содѣйствіе всеобщему благополучію посредствомъ всеобщаго взаимодѣйствія“. Въ третьемъ параграфѣ говорится о томъ,

что природа на всѣхъ наложила обязанность трудиться. „Никто не можетъ устраниться отъ работы, не совершивъ преступленія“.

Въ четвертомъ параграфѣ указывается, что „работы и наслажденія должны быть общими, т. е. всѣ должны принимать одинаковое участіе въ трудѣ и получать за это одинаковую долю наслажденій“.

„Но что понимать подъ общностью труда? Желательно ли, чтобы всѣ граждане принуждались къ однимъ и тѣмъ же занятіямъ? Нѣтъ, желательно только, чтобы различныя работы распредѣлялись такимъ образомъ, чтобы ни одинъ работоспособный не остался праздныхъ; желательно, чтобы увеличивалось число работающихъ и этимъ бы обезпечивалось всеобщее благосостояніе и уменьшалось трудовое напряженіе отдѣльныхъ лицъ; желательно, чтобы отечество давало каждому все, что необходимо для удовлетворенія естественныхъ и немногихъ общихъ всѣмъ искусственныхъ потребностей. Но –возразятъ, быть можетъ,—что же станетъ тогда съ произведеніями промышленности, съ твореніями гепія? Не окажется ли, что ко вреду общества они погибнутъ, такъ какъ не будутъ вознаграждаться выше, чѣмъ обыкновенныя работы? Нѣтъ, это—софистика! Изъ любви къ славѣ, а не изъ стремленія къ богатству геній развивалъ свои силы, такъ было всегда. Милліоны солдатъ постоянно идутъ на смерть только ради чести служить капризамъ жестокаго владыки, а вы сомнѣваетесь въ грандіозныхъ результатахъ воздѣйствія на человѣческое сердце сознанія счастья, любви къ равенству и отечеству и силы мудраго правительства?“

Шестой параграфъ заявляетъ, что „собственность величайшая язва общества, истинное публичное преступленіе“.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ параграфовъ выставляется требованіе всеобщаго обученія.

Основныя положенія системы Бабефа ясно показываютъ, какое сильное вліяніе оказалъ на него Морелли; къ сожалѣнію, это вліяніе проявляется и въ вопросѣ о правительственной опекѣ и наказаніяхъ. На ряду съ равенствомъ и братствомъ Бабефъ вводитъ въ свою систему и принципъ жестокаго насилія надъ волей тѣхъ, кто не можетъ или не хочетъ приспособиться къ новому порядку вещей. Онъ высказывается даже за введеніе строгой цензуры. Не даромъ Бабефъ получилъ политическое воспитаніе въ якобинскихъ клубахъ и былъ поклонникомъ Робеспьера. Въ его душѣ якобинецъ боролся съ коммунистомъ. Коммунизмъ пролетарскій, коммунизмъ осуществимый, коммунизмъ, которому принадлежитъ будущее, непримиримо враждебенъ якобинству.

Бабефъ до извѣстной степени былъ порожденіемъ французской революціи, онъ былъ въ тѣсной духовной связи съ ея якобинскимъ теченіемъ. Одновременно съ Бабефомъ мыслили и дѣйствовали два другихъ великихъ французскихъ коммуниста Сенъ-Симонъ и Фурье, остававшіеся совершенно чуждыми французской революціи. Они оба не интересовались политикой, оба не сочувствовали якобинцамъ; отъ террористическаго произвола которыхъ они чуть не погибли. Паденіе Робеспьера повело къ первому аресту Бабефа; для Фурье же и Сенъ-Симона оно было освобожденіемъ изъ тюрьмы, а для перваго вмѣстѣ съ тѣмъ и спасеніемъ отъ эшафота.

Бабефъ былъ утопистомъ, такъ какъ разсчитывалъ освободить трудящуюся массу заговорщическимъ возстаніемъ, Фурье и Сенъ-Симонъ были утопистами, такъ какъ расчитывали создать коммунистическій строй съ помощью сильныхъ міра сего. Сенъ-Симонъ расчитывалъ на поддержку короля, Фурье ежедневно ожидалъ благодѣтельнаго милліонера, который отдалъ бы

ему свое состояніе для проведенія въ жизнь его коммунистическихъ проектовъ. Утопизмъ Сенъ-Симона и Фурье наивнѣе, но и невиннѣе утопизма Бабефа. Будучи утопистами въ смыслѣ способовъ осуществленія коммунизма, Сенъ-Симонъ и Фурье—вдумчивые реалисты въ смыслѣ пониманія причинъ нужды и несправедливости, тяготѣющихъ надъ массами современнаго человѣчества.

Системы Сенъ-Симона и Фурье различны; ихъ отличительныя черты стоятъ въ связи съ различіемъ условій и обстановки, въ которыхъ родились и начали свою жизнь эти два великихъ коммуниста. Генрихъ Сенъ-Симонъ, родившійся въ Парижѣ 17 октября 1760 г., принадлежалъ къ древней аристократической фамиліи и имѣлъ право на титулъ графа, которымъ въ зрѣломъ возрастѣ не пользовался. Одинъ изъ его предковъ, герцогъ Сенъ-Симонъ, былъ приближеннымъ „короля-солнца“ Людовика XIV. Генрихъ Сенъ-Симонъ получилъ блестящее образованіе подъ руководствомъ знаменитаго Д'Аламбера. Согласно правиламъ своего круга онъ поступилъ на военную службу въ кавалерійскій полкъ, но не для того, чтобы гарцовать по улицамъ Парижа или вальсировать въ великосвѣтскихъ гостинныхъ, а чтобы отправиться въ Америку на войну за независимость Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь онъ увлекается не столько войной, сколько выработкой проекта прорытія Панамскаго канала. Ему было въ это время лишь 19 лѣтъ.

Въ 1783 г. онъ возвращается въ Европу, и передъ нимъ раскрывается блестящая военная карьера: онъ назначается командиромъ Аквитанскаго полка. Но уже черезъ два года онъ окончательно выходитъ въ отставку.

„Быть солдатомъ—не мое призваніе—писалъ онъ—

я предназначенъ къ дѣятельности совсѣмъ противоположной. Изучать развитіе человѣческаго духа, чтобы затѣмъ работать надъ усовершенствованіемъ цивилизаціи, такова была цѣль, которую я себѣ поставилъ".

И, дѣйствительно съ этихъ поръ вся жизнь Сенъ-Симона была посвящена этой высокой цѣли. Онъ нерѣдко попадалъ на совершенно ложные пути, дѣлалъ много невѣрныхъ шаговъ, но духовно онъ безпрерывно возвышался; ему не удалось усовершенствовать міръ въ дѣйствительности, но онъ перевернулъ и въ то же время возвысилъ его въ своихъ многочисленныхъ литературныхъ работахъ, а это, конечно, не безразлично и для дѣйствительнаго возвышенія человѣческой жизни. Изъ богатаго человѣка Сенъ-Симонъ въ концѣ концовъ превратился въ нищаго: онъ нерѣдко питался хлѣбомъ и водой и принужденъ былъ работать въ холодной комнатѣ, не имѣя возможности купить топлива. Передъ концомъ жизни въ 1820 г. тяжкая нужда довела его до попытки самоубійства. Онъ тяжело ранилъ себя, лишился одного глаза, но остался живъ и прожилъ еще 5 лѣтъ.

Онъ умеръ 19 мая 1825 г., окруженный преданными учениками.

„Вся моя жизнь сводится къ одной мысли: обезпечить всѣмъ людямъ наиболѣе свободное развитіе ихъ способностей". Таковы были его послѣднія слова.

Сенъ-Симонъ былъ одновременно аристократомъ по происхожденію и аристократомъ по духу. Эти два аристократизма столкнулись въ непримиримомъ противорѣчіи: побѣдилъ аристократизмъ духа.

Въ своемъ ученіи Сенъ-Симонъ отвергаетъ всякое неравенство, за исключеніемъ неравенства по способностямъ.

Права собственности и наслѣдованія—привилегіи несовмѣстимыя съ равенствомъ людей, онѣ должны

быть отмѣнены. Всѣ должны трудиться подъ руководствомъ и управленіемъ особой іерархіи, состоящей изъ священнослужителей новой религіи. Этимъ новымъ духовнымъ пастырямъ изъ наиболѣе способныхъ гражданъ передаются всѣ земли, всѣ богатства, и они распредѣляютъ ихъ между наиболѣе трудолюбивыми и вообще достойными. Во главѣ общественной іерархіи стоитъ могущественный первосвященникъ; но ни этотъ первосвященникъ, ни вся новоцерковная іерархія не стѣсняютъ людей въ свободномъ развитіи ихъ способностей и пользованіи всѣми радостями жизни. Права плоти возстанавляются. Физическія наслажденія также законны, какъ и духовныя. Духъ примѣряется съ плотью. Женщина во всѣхъ отношеніяхъ признается равноправной мужчинѣ. Она можетъ сдѣлаться художникомъ, ученымъ, судьей, священнослужителемъ. Бракъ превращается въ свободный союзъ двухъ любящихъ существъ. Мужчины и женщины сходятся и расходятся, повинуясь исключительно велѣніямъ своего разума и своихъ чувствъ.

Границы между отдѣльными странами исчезаютъ. Все человѣчество превращается въ единое товарищество работниковъ, объединенныхъ единой всечеловѣческой религіей.

Основа современнаго общества собственность; основа будущаго общества—трудъ. Современная промышленность покоится на эксплуатаціи человѣка человѣкомъ; будущая промышленность покоится исключительно на эксплуатаціи природы.

Человѣчество постепенно переходило отъ людоѣдства къ рабству, отъ рабства къ крѣпостничеству, отъ крѣпостничества къ наемничеству; теперь предстоитъ осуществить послѣдній шагъ прогресса: устранить наемный трудъ, создавъ всемірную іерархически управляемую ассоціацію. Тогда наступитъ золотой вѣкъ, ко-

торый ошибочно относили въ прошлое, онъ — въ будущемъ.

Трудно отказать этой системы въ величіи, но внесеніе въ нее іерархіи новыхъ священнослужителей съ могущественнымъ и великолѣпнымъ первосвященникомъ во главѣ свидѣтельствуетъ, что ея создалъ геній, не освободившійся отъ аристократическихъ предразсудковъ.

Карлъ Фурье, родившійся 1 апрѣля 1772 года въ Безансонѣ, былъ далекъ отъ аристократическаго общества. Сынъ торговца сукномъ, онъ началъ свою жизненную карьеру торговыми спекуляціями, на которыхъ совершенно разорился. Ему пришлось сдѣлаться прикащикомъ большой фирмы, торговавшей хлѣбомъ, рисомъ и другими пищевыми продуктами.

Во время сильнаго вздорожанія предметовъ первой необходимости хозяева Фурье, чтобы поднять еще выше цѣны, не пускали въ продажу большой запасъ риса, пока онъ не испортился. Тогда Фурье было поручено выбросить его въ море. Этотъ случай былъ для Фурье своего рода „яблокомъ Ньютона“, воочію показавъ всю безсмыслицу и безнравственность современной системы распредѣленія продуктовъ, въ частности торговли. Сынъ торговца и самъ въ началѣ торговецъ, онъ написалъ не мало ѣдкихъ страницъ, разоблачавшихъ вредъ для общества современной торговли. Оставивъ своихъ хозяевъ, Фурье переходитъ съ мѣста на мѣсто, повсюду получая гроши, едва достаточные для поддержанія пролетарскаго существованія.

До конца жизни онъ остается одинокимъ бѣднякомъ, проживающимъ рублей по 30 въ мѣсяцъ. Не имѣя семьи, онъ живетъ исключительно для человѣчества, весь погруженный въ думы объ идеальномъ строѣ въ замѣнъ современнаго строя нищеты и насилія.

Рисуя новый общественный строй, Фурье исходитъ

изъ анализа какъ духовныхъ свойствъ человѣка, такъ и всѣхъ условій современнаго общественаго строя.

Анализируя человѣческія потребности и страсти, Фурье приходитъ къ заключенію, что всѣ онѣ сами по себѣ хороши, и новый счастливый общественный строй долженъ быть построенъ на основѣ гармоничнаго ихъ удовлетворенія. Цѣль жизни—счастье, а счастье въ удовлетвореніи своихъ страстей или желаній.

„Счастье, о которомъ такъ много разсуждалось вкривь и вкось, состоитъ въ томъ чтобы имѣть много страстей и много средствъ для ихъ удовлетворенія".

Современный капиталистическій строй и казался Фурье нелѣпымъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ почти никому не даетъ счастья; не говоря уже о томъ, что огромное большинство не можетъ удовлетворять самыхъ насущныхъ потребностей, даже богатое меньшинство не въ состояніи жить счастливо, гармонично развивая и удовлетворяя свои „страсти". Измѣнить этотъ строй въ интересахъ не только бѣдныхъ но и богатыхъ. Отдѣльныя личности не виноваты въ существующихъ бѣдственныхъ условіяхъ; они жертвы ихъ.

Причина всѣхъ людскихъ бѣдствій прежде всего въ нелѣпой организаціи всей хозяйственной жизни, всего производства.

„Всякій промышленникъ—пишетъ Фурье въ „Теоріи четырехъ движеній"—находится въ войнѣ съ массой, будучи къ ней недоброжелателенъ изъ за личнаго интереса. Медикъ желаетъ своимъ согражданамъ хорошихъ лихорадокъ, прокуроръ хорошихъ процессовъ въ каждой семьѣ. Архитекторъ нуждается въ хорошемъ пожарѣ, который бы превратилъ въ головешки добрую четверть города, а стекольщикъ желаетъ хорошаго града, который перебилъ бы всѣ стекла. Портной, сапожникъ не желаютъ публикѣ ничего лучшаго, какъ линючихъ матерій и обуви изъ гнилой кожи, которая

изнашивалась бы какъ можно скорѣе, и все это... для процвѣтанія торговли: это ихъ вѣчный припѣвъ. Судъ находитъ удобнымъ, что Франція продолжаетъ совершать ежегодно сто двадцать преступленій и проступковъ, вызывающихъ процессы, такъ какъ это число необходимо для пропитанія уголовныхъ судовъ. Вотъ какимъ образомъ оказывается, что въ цивилизованной промышленности каждый индивидумъ въ умышленной борьбѣ съ массой; это—необходимый результатъ противообщественной промышленности или міра на выворотъ. Это посмѣшище изчезнетъ при общественномъ строѣ, гдѣ каждое лицо будетъ находить свою выгоду лишь въ выгодѣ всей массы".

„Цивилизованная промышленность—пишетъ Фурье въ другомъ мѣстѣ--основана на двойной нелѣпости:

Въ земледѣліи—раздробленіе или подраздѣленіе по семьямъ, которыя являются соединеніемъ наименьшимъ, наиболѣе противорѣчашимъ экономіи, механикѣ и промышленному притяженію (l'attraction industrielle), которое требуетъ въ работахъ группъ многочисленныхъ, свободныхъ, снабженныхъ хорошими орудіями.

Въ торговлѣ—свободное пользованіе индивидуальнымъ обманомъ, анархическая и сложная конкурренція, увеличивающая въ двадцать разъ массу агентовъ, необходимыхъ для обмѣна, для механизма распредѣленія.

Строй, который былъ бы устроенъ на двухъ основахъ, противоположныхъ основамъ строя современнаго, на наибольшемъ общественномъ соединеніи въ земледѣліи и на гарантіи правильности въ торговыхъ отношеніяхъ, неизбѣжно далъ бы результаты, противоположные бѣлствіямъ цивилизованной системы. Промышленность должна превратиться въ „новый міръ", отыскать который должна попытаться наука".

Въ основу этого „новаго міра" по представленію Фурье должны быть положены свободныя производи-

тельныя ассоціаціи, которыя онъ называетъ фаланстерами. Фаланстера состоитъ изъ 400 семействъ, т. е. приблизительно отъ 1600 до 2000 лицъ, живущихъ въ одной деревнѣ или небольшомъ городѣ. Каждая семья занимаетъ отдѣльную квартиру, но обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ.

Работа совершается сообща, и она должна быть очень разнообразной, такъ какъ, главнымъ образомъ, монотонностью и чрезмѣрною продолжительностью современнаго труда объясняется, что онъ является проклятіемъ, а не удовольствіемъ, какъ это должно быть при нормальныхъ условіяхъ.

Избытокъ получаемыхъ продуктовъ распредѣляется между тремя элементами: трудомъ, капиталомъ и талантомъ. Трудъ получаетъ пять двѣнадцатыхъ, капиталъ—четыре, талантъ—три. Но во всякомъ случаѣ каждому члену фаланстеры обезпечивается минимумъ средствъ, необходимыхъ для существованія и благополучія: всякое живое существо имѣетъ право на жизнь.

Городъ сливается съ деревнею, сельскохозяйственный трудъ соединяется съ трудомъ ремесленнымъ и фабрично-заводскимъ. Женщина уравнивается съ мужчиной. „Степень женской эмансипаціи (освобожденія) является естественнымъ мѣриломъ всеобщей эмансипаціи“.

Національный антогонизмъ исчезаетъ. Все человѣчество превращается въ единую націю, состоящую изъ фаланстеръ.

Фурье оставилъ послѣ себя довольно много стойкихъ учениковъ. Фурьеризмъ во Франціи до сихъ поръ еще не исчезъ окончательно.

Недавно еще (1900 г.) Эмиль Зола „оживилъ“ систему Фурье въ своемъ замѣчательномъ соціальномъ романѣ „Трудъ“.

Менѣе стойкихъ, но еще болѣе многочисленныхъ учениковъ оставилъ и Сенъ-Симонъ.

Изъ сенсимонистовъ самыми значительными были Базаръ и Бушэ. Базаръ, одинъ изъ организаторовъ тайныхъ революціонныхъ обществъ „карбонаріевъ“, въ своихъ сочиненіяхъ развиваетъ, главнымъ образомъ, экономическую сторону ученія Сенъ-Симона и поддерживаетъ ея революціонное значеніе. На основаніи историческихъ данныхъ онъ доказываетъ измѣнчивость понятія собственности и тѣмъ окончательно опровергаетъ теорію абсолютнаго права частной собственности.

Онъ указываетъ на противорѣчіе между отмѣной всѣхъ родовыхъ привилегій и сохраненіемъ привилегіи наслѣдованія; онъ выясняетъ рѣшительное вліяніе собственности на образованіе, счастье, общественное положеніе. Онъ требуетъ, чтобы единственнымъ наслѣдникомъ было государство, только тогда осуществится основной принципъ сенсимонизма: каждому по его способностямъ, каждой способности по ея дѣяніямъ.

Буше, тоже карбонарій, придаетъ большое значеніе религіозной сторонѣ ученія Сенъ-Симона. Онъ хочетъ создать новый строй на основахъ христіанской морали, причемъ онъ хорошо оцѣниваетъ чувство солидарности, присущее пролетаріату. Спасеніе отъ современнаго общественнаго зла, по его мнѣнію, въ образованіи рабочими производительныхъ товариществъ, но не для того, чтобы превратиться въ предпринимателей, а чтобы освободить рабочій классъ отъ рабства наемной платы.

Сочиненія Сенъ-Симона и Фурье не нашли себѣ распространенія въ массахъ пролетаріата, такъ какъ написаны были слишкомъ недоступно; въ особенности это надо сказать о Фурье. Ихъ идеи нашли себѣ распространеніе лишь черезъ посредство произведеній позднѣйшихъ коммунистовъ, писавшихъ популярно,

Къ такимъ популярнымъ коммунистамъ слѣдуетъ отнести Кабэ, автора въ свое время очень распространенной книги: „Путешествіе въ Икарію“. Кабэ развивался подъ вліяніемъ идей Фурье, но многому онъ научился и у англійскаго коммуниста Роберта Овена *), послѣ поѣздки къ которому онъ и написалъ свою „Икарію“. Впрочемъ, Кабэ отнюдь не принадлежитъ къ писателямъ, повторяющимъ исключительно слова тѣхъ или другихъ учителей. Его мысль хорошо работала и вполнѣ самостоятельно, съ его именемъ связанъ шагъ впередъ въ развитіи коммунистическихъ идей.

Въ основѣ ученія Кабэ лежитъ безусловное уничтоженіе частной собственности на средства производства (въ томъ числѣ землю) и равномѣрное распредѣленіе благъ жизни по потребностямъ. Геній, по его мнѣнію, не имѣетъ права требовать себѣ большихъ матеріальныхъ благъ, чѣмъ обыкновенный человѣкъ, такъ какъ геній—продуктъ общества и своимъ творчествомъ исполняетъ лишь свой долгъ. Подобно Фурье Кабэ хочетъ, чтобы работа распредѣлялась по склонностямъ каждаго и часто мѣнялась. Тяжелыя и непріятныя работы должны, по возможности, совершаться машинами. Женщина—равноправна мужчинѣ, бракъ регулируется исключительно взаимною любовью.

Въ противоположность Фурье Кабэ относится далеко не безразлично къ политической дѣятельности; онъ не только коммунистъ, но и демократъ. Демократія представляется ему необходимой и подготовительной стадіей къ коммунизму. Всеобщая подача голосовъ для него ближайшая реформа. Къ религіи Кабэ отно-

*) По англійски Owen произносится Оуэнъ, но мы считаемъ удобнѣе въ данномъ случаѣ сохранить произношеніе по правописанію, какъ для русскихъ болѣе легкое и уже давно употребляющееся въ нашей литературѣ.

сится положительно, считая ее необходимой, но при этомъ требуетъ полной вѣротерпимости.

„Путешествіе въ Икарію“ появилось въ 1840 году, а черезъ два года появился „Кодексъ общности имуществъ“. Авторъ „Кодекса“ французъ Дезами еще съ большимъ правомъ, чѣмъ Кабэ, можетъ быть названъ ученикомъ Фурье, но и онъ пошелъ впередъ по самостоятельному пути.

Въ ученіи Дезами окончательно разрывается связь съ религіозными традиціями. Онъ—атеистъ и матерьялистъ въ духѣ французскихъ энциклопедистовъ. Вмѣсто Бога Дезами выставляетъ принципъ дѣятельности и усовершенствованія. Жизнь—движеніе атомовъ. Страсти человѣка ни хороши, ни худы; въ зависимости отъ того или другого общественнаго строя онѣ могутъ быть полезны или вредны. Нравственность заключается въ согласованіи всѣхъ страстей съ общей пользой. Для этого согласованія необходимо коренное переустройство общества. Собственность отмѣняется. Каждому принадлежатъ лишь тѣ вещи, которыми онъ въ данный моментъ пользуется. Всякій выбираетъ работу по своей склонности. Каждый работаетъ столько, сколько хочетъ: при нормальныхъ условіяхъ работа для человѣка не тягость, а потребность и удовольствіе; принуждать удовлетворять свою потребность и пользоваться удовольствіемъ нѣтъ, разумѣется, надобности. Весь міръ дѣлится на приблизительно равныя производительно-потребительныя общины. Фаланстеры Фурье замѣняются у Дезами общинными дворцами. Продукты труда собираются вмѣстѣ, и каждый можетъ брать столько, сколько ему нужно для удовлетворенія своихъ потребностей.

Въ брачныхъ отношеніяхъ всякое принужденіе устраняется. Любящіе сходятся и расходятся исключительно по своему усмотрѣнію. Вся община образуетъ одну семью. Воспитаніе дѣтей—общественное и при

томъ профессіональное: промышленное и сельскохозяйственное одновременно. Промышленность и сельское хозяйство, городъ и деревня у Дезами сливаются, какъ и у Фурье.

Къ фурьеристамъ слѣдуетъ причислить и Виктора Консидерана, автора „Манифеста демократіи XIX вѣка“. Этотъ манифестъ, появившійся въ 1843 году, предвосхищаетъ многія мысли „Манифеста коммунистической партіи“, какъ это указалъ сначала В. Черкезовъ, а затѣмъ итальянскій соціалистъ A. L. *).

„Манифестъ демократіи XIX вѣка“ распадается на двѣ части: въ первой анализируется современный общественный строй, во второй съ точки зрѣнія фурьеристовъ разбираются программы различныхъ французскихъ партій.

Онъ, подобно „Манифесту коммунистической партіи“, устанавливаетъ, что „новый общественный строй вытекаетъ изъ феодальнаго, благодаря развитію промышленности, наукъ и человѣческаго труда, путемъ медленныхъ, но несокрушимыхъ побѣдъ разсудка надъ силой, творческаго генія надъ войной“. Французская революція не создала равенства, она лишь разрушила старый порядокъ. Но созданный ею порядокъ сохраняетъ фактическое господство высшихъ и среднихъ слоевъ, которые монополизировали всѣ общественныя должности и свободныя профессіи.

Старое порабощеніе замѣняется новымъ. Этому способствуетъ господство „свободной конкурренціи“.

„Каковы могли быть при подобныхъ условіяхъ плоды свободной промышленности, на которую возлагали столько надеждъ, плоды прославленнаго принципа свободной конкурренціи, будто-бы особенно благодѣтельнаго для демократической организаціи? Ничего

*) Мы при изложеніи „Манифеста“ Консидерана пользуемся статьей A. L. въ переводѣ В. Черкезова.

другого, кромѣ всенароднаго порабощенія, коллективнаго закрѣпощенія народныхъ массъ, лишенныхъ капиталовъ, орудій труда и воспитанія, классу богатыхъ и хорошо вооруженныхъ".

„Подъ вліяніемъ свободной конкурренціи заработокъ рабочаго постоянно понижается. Въ Ирландіи, Англіи, Бельгіи и Франціи, повсюду, гдѣ царитъ свободная конкурренція и ничто не задерживаетъ безпорядочнаго роста промышленности, положеніе рабочихъ неизбѣжно становится нищенскимъ и гнуснымъ; имъ приходится бороться не только между собою, но также и съ машиною, расходующей всего нѣсколько сантимовъ на человѣческую силу!.." „Законъ свободной конкурренціи порождаетъ возрастающую нищету рабочихъ классовъ; онъ же раззоряетъ классы средніе".

„Во всѣхъ странахъ крупные капиталы господствуютъ надъ мелкими, крупныя предпріятія надъ предпріятіями мелкими. Паръ, машины, крупная мануфактура повсюду легко восторжествовали надъ мелкими мастерскими. Съ ихъ приближеніемъ старыя ремесла и мастера исчезли, уступивъ мѣсто фабрикѣ и пролетаріату"...

„Деньги захватываютъ все; могущество крупныхъ капиталовъ возрастаетъ безпрерывно; они притягиваютъ и поглощаютъ мелкіе капиталы и среднія состоянія во всѣхъ видахъ... Послѣдствія этого явленія чрезвычайно серьезны".

„Общество начинаетъ дѣлиться на два опредѣленныхъ класса: одинъ—малочисленный, владѣющій всѣмъ или почти всѣмъ, не ограниченный властитель всего, относящагося къ собственности, торговлѣ и промышленности; другой—многочисленный, лишенный всего, живущій въ полной зависимости отъ обладателей капиталовъ и орудій труда, принужденный продавать за небольшой, все уменьшающійся заработокъ свои руки, таланты и силы феодаламъ современнаго общества".

„Богатству свойственно концентрироваться въ рукахъ все уменьшающагося числа обладателей".

„Нашъ индустріализмъ—могущественный и колоссальный механизмъ — безостановочно выкачиваетъ національныя богатства, концентрируя ихъ въ большія резервуары новой аристократіи, и фабрикуетъ легіоны истощенныхъ бѣдняковъ и пролетаріевъ. Великобританія достигла наивысшаго развитія этого явленія — сосредоточиванія капиталовъ въ рукахъ малочисленной аристократіи и уменьшенія среднихъ классовъ..."

Правительство опредѣляется Консидераномъ, какъ орудіе капиталистическаго феодализма.

Революціонное движеніе пролетаріата разсматривается Консидераномъ, какъ движеніе классовое и какъ результатъ той нищеты, въ которую ввергло народныя массы капиталистическое производство.

„Чартистское движеніе въ Англіи—говоритъ манифестъ демократіи—объясняется враждою классовъ, вызванной зрѣлищемъ растущей нищеты у однихъ при возрастающемъ богатствѣ другихъ".

Какъ спасеніе отъ всѣхъ общественныхъ золъ Консидеранъ, какъ и слѣдуетъ фурьеристу, видитъ въ производительныхъ ассоціаціяхъ или фаланстерахъ.

Онъ самъ принималъ участіе въ попыткахъ устроить коммунистическія фаланстеры въ Европѣ и Америкѣ.

Съ именемъ Консидерана связано несравненно болѣе знаменитое имя его соотечественника и современника Пьера Прудона. Къ Консидерану были адресованы открытыя письма Прудона, въ которыхъ онъ разъясняетъ свою теорію собственности. При изложеніи исторіи коммунистическихъ идей нельзя обойти Прудона молчаніемъ, хотя онъ и былъ противникомъ коммунизма, теорію котораго онъ считаетъ „плодомъ поверхностнаго эклектизма". Вопреки своему желанію онъ сослужилъ из-

вѣстную службу коммунизму, доказавъ ложность многихъ доводовъ въ пользу права частной собственности, разъяснивъ деспотическую суіцность якобинскаго демократизма и давъ, наконецъ, возможность коммунистамъ въ спорѣ съ нимъ развить и укрѣпить коммунистическую теорію.

Анализируя понятіе собственности, Прудонъ приходитъ къ тому же заключенію, какъ и видный дѣятель французской революціи Бриссо, казненный въ 1793 г. якобинцами, а именно, что „собственность—воровство". Но, признавая собственность несправедливой, Прудонъ признаетъ не менѣе несправедливой и общность имущества. „Собственность — эксплуатація слабаго сильнымъ, общность—эксплуатація сильнаго слабымъ".

Общность, по мнѣнію Прудона, уже по одному тому не хороша, что идетъ въ разрѣзъ съ началомъ семейнымъ, а „святости брака и семьи" онъ придавалъ въ противоположность большинству коммунистовъ огромное положительное значеніе. Извѣстны его рѣзкія нападки на проповѣдницу „свободной любви" Жоржъ Зандъ.

Причину нищеты Прудонъ видитъ въ несовершенствѣ современнаго строя, состоящаго изъ ряда противорѣчій, и онъ хочетъ ихъ примирить установленіемъ натуральной мѣны. Абсолютныя идеи равенства и справедливости осуществятся, по представленію Прудона, въ обществѣ отдѣльныхъ производителей, обмѣнивающихъ свои продукты по стоимости ихъ производствъ; эта стоимость опредѣляется числомъ часовъ, необходимыхъ для производства продукта.

Карлъ Марксъ въ „Нищетѣ Философіи", написанной въ отвѣтъ на прудоновскую „Философію Нищеты", основательно и блестяще разбиваетъ эту мелкобуржуазную утопію, выясняя въ то же время истинное значеніе мѣновой цѣнности и ея отношенія къ заработной пла-

тѣ. Онъ показываетъ, что обмѣнъ товаровъ по заключающемуся въ нихъ рабочему времени совсѣмъ не „революціонная теорія будущаго“, а теорія современнаго буржуазнаго общества. Стоимость или цѣнность работы опредѣляется рабочимъ временемъ, которое необходимо для производства всего того, въ чемъ нуждается рабочій, чтобы поддерживать свое существованіе и размножаться.

„Естественная цѣна работы—ничт опное, какъ минимумъ заработной платы, и такимъ образомъ цѣнность, измѣряемая рабочимъ временемъ, по необходимости—формула для современнаго рабства рабочихъ“.

Прудонъ считается „изобрѣтателемъ“ анархизма, какъ научной общественной теоріи; это вѣрно, только въ томъ отношеніи, что онъ много и основательно писалъ противъ государственной централизаціи и доказывалъ, что между монархіей и якобинской республикой существенной разницы нѣтъ; Наполеонъ I былъ для него Робеспьеромъ на конѣ.

По его мнѣнію, нѣтъ формы правленія, которую можно бы назвать „наилучшей“. Всѣ формы хороши, если правительство дѣйствуетъ въ духѣ справедливости, т. е. допускаетъ самую широкую свободу, а свобода возможна только при существованіи автономіи и децентрализаціи. Про анархію этотъ ся „изобрѣтатель“ выражается такъ:

„Анархія также мало примѣнима въ человѣчествѣ, какъ безпорядокъ въ мірозданіи“.

Съ гораздо большимъ правомъ „изобрѣтателемъ“ теоріи анархизма можно назвать нѣмца Макса Штирнера (Каспара Шмидта), который, какъ и Прудонъ, былъ противникомъ каммунизма, но тѣмъ не менѣе своей замѣчательной книгой „Единый и его собственность“ тоже косвенно способствовалъ развитію коммунизма, такъ какъ разсѣялъ много иллюзій и предразсудковъ отно-

сительно государства, законности, справедливости и проч. *).

Не смотря на отрицательное отношеніе къ коммунизму, не смотря на защиту самаго крайняго „эгоизма“, Штирнеръ былъ однимъ провозвѣстникомъ освобожденія пролетаріата, однимъ изъ первыхъ мыслителей, понявшихъ, въ чемъ несокрушимая сила, въ чемъ залогъ побѣды рабочаго класса.

„У рабочихъ въ рукахъ огромная сила, и, если они разъ сознаютъ ее и воспользуются ею, то ничто не можетъ противостоять имъ: имъ стоитъ только пріостановить работу и, признавъ сработанное своимъ, воспользоваться имъ. Въ этомъ—смыслъ то здѣсь, то тамъ вспыхивающихъ рабочихъ безпорядковъ“.

Это сказано Штирнеромъ въ 1844 году.

III.

Робертъ Овенъ.

Въ то время, какъ французъ Фурье ежедневно ожидалъ милліонера, который далъ бы ему средства для устройства фаланстеръ, англичанинъ Робертъ Овенъ, располагая большими средствами, пытался практически осуществить въ центрѣ Англіи свои идеи, очень близкія къ идеямъ Фурье. Робертъ Овенъ былъ совершенно исключительный „милліонеръ“ и совершенно исключительный человѣкъ. Ему легче, чѣмъ многимъ рабочимъ, войти въ „Царство Божіе“. Робертъ Овенъ—

*) Со взглядами Штирнера мы предполагаемъ ознакомить нашихъ читателей въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ „Библіотеки Рабочаго“.

геній и при томъ геній добра. И этотъ геній будетъ еще долго бороться за освобожденіе рабочаго класса, хотя тѣло Овена, скончавшагося 17 ноября 1858 г. въ возрастѣ 87 лѣтъ, давно уже истлѣло.

Седьмой сынъ многосемейнаго скорняка, Робертъ десяти лѣтъ покидаетъ родную деревню въ Ньютаунѣ и отправляется въ Лондонъ къ своему дядѣ. Вскорѣ онъ поступаетъ на службу въ одинъ торговый домъ, проявляетъ необыкновенную дѣловитость и, едва достигнувъ 20 лѣтъ, становится директоромъ крупной бумагопрядильной мануфактуры въ Манчестерѣ.

Въ 1898 г. онъ женится на дочери богатаго фабриканта Давида Дэля и дѣлается однимъ изъ собственниковъ его большой бумагопрядильной мануфактуры въ Нью-Лэнаркѣ около Глазгова.

Къ этому времени въ головѣ Роберта Овена уже сталъ слагаться планъ общественнаго переустройства путемъ подъема матеріальнаго положенія, самосознанія и самодѣятельности рабочаго класса. Завѣдуя фабриками, онъ могъ во-очію убѣдиться, насколько невыносимо положеніе рабочихъ. Онъ понялъ, что, если положеніе рабочихъ не улучшится, то нація, уже начавшая вырождаться, должна въ концѣ концовъ погибнуть, онъ понялъ, что рабочее дѣло—дѣло всего человѣчества. Стремясь къ высокому идеалу всечеловѣческаго братства и полному освобожденію рабочаго класса, Овенъ придавалъ огромное значеніе и немедленному частичному улучшенію положенія рабочихъ. Вступивъ въ управленіе Нью-Лэнаркомъ, онъ немедленно приступилъ къ реформамъ. Прежде всего онъ устранилъ дѣтскій трудъ, уменьшилъ число рабочихъ часовъ, увеличилъ заработную плату, затѣмъ построилъ хорошія жилища для рабочихъ и основалъ кооперативные магазины (потребительныя лавки), гдѣ рабочіе были сами хозяевами и за недорогую цѣну могли получать

всѣ необходимые продукты. Во время разразившагося кризиса Овенъ, принужденный пріостановить производство, продолжалъ выплачивать заработную плату.

Особенно серьезное вниманіе онъ обратилъ на воспитаніе дѣтей рабочихъ. Устроенныя имъ въ Нью-Лэнаркѣ школы не только для начала прошлаго столѣтія, но для настоящаго времени могли бы считаться образцовыми. Совладѣльцы Нью-Лэнарка были недовольны всѣми этими „непроизводительными расходами“, несмотря на то, что не только положеніе рабочихъ улучшилось, но и значительно поднялись доходы предпріятія. Въ концѣ концовъ Овенъ долженъ былъ распустить первое общество, владѣвшее Нью-Лэнаркомъ, и основать новое, въ которое вошелъ, между прочимъ, извѣстный философъ-утилитаристъ Бентамъ.

Теперь Овенъ принялся за свою реформаторскую дѣятельность еще съ большей энергіей. Процвѣтающій во всѣхъ отношеніяхъ Нью-Лэнаркъ становится однимъ изъ чудесъ міра. Слава Овена становится всемірной. Ему покровительствуетъ братъ короля, герцогъ Кентскій, отецъ будущей королевы Викторіи, къ нему пріѣзжаетъ знакомиться русскій императоръ Николай I, ему присылаетъ золотую медаль король прусскій и т. д.

Но и новые акціонеры Нью-Лэнарка постепенно начинаютъ выражать свое неудовольствіе по поводу быстро развивающейся реформаторской дѣятельности Овена. Особенно недоволенъ представитель секты квэкеровъ Алленъ—за введеніе въ школахъ чисто свѣтскаго образованія. Вообще въ духовенствѣ Овенъ встрѣчаетъ самаго упорнаго противника своихъ начинаній, особенно послѣ своего заявленія о необходимости полной свободы совѣсти, какъ одной изъ основъ человѣческаго благополучія. Вскорѣ отъ Овена отворачиваются и всѣ „сильные міра сего“, тѣмъ болѣе, что онъ не довольствуется реформами Нью-Лэнарка,

а устраиваетъ профессіональные рабочіе союзы во всей Англіи и агитируетъ за всеобщую стачку во имя ограниченія рабочаго времени восьмью часами.

Профессіональные союзы скоро насчитываются въ 500.000 членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ пропаганды Овена начинаютъ развиваться и кооперативы.

Въ 1824 году онъ дѣлаетъ попытки перенести свою дѣятельность въ Америку, гдѣ онъ въ штатѣ Иллинойсъ основываетъ трудовую ассоціацію на коммунистическихъ началахъ. Эта попытка терпитъ неудачу, но энергія Роберта Овена не ослабѣваетъ. Вернувшись въ Англію, онъ съ прежнимъ энтузіазмомъ трудится надъ организаціей рабочаго класса, сознавая теперь, что создать новый строй можно лишь въ нѣдрахъ строя стараго, что нужно бороться въ центрахъ капитализма, не удаляясь для опытовъ въ лѣса и степи Америки.

Въ глазахъ представителей господствующаго класса онъ теперь окончательно превращается изъ мирнаго друга человѣчества въ опаснаго анархиста. Правда, юная королева Викторія, при вступленіи на престолъ, однимъ изъ первыхъ приняла Овена, друга своего покойнаго отца, но это лишь усилило ненависть его враговъ.

Овенъ отвѣтилъ по этому поводу своимъ врагамъ съ большимъ достоинствомъ:

„Теперь одно слово на счетъ моего представленія ея величеству королевѣ“—писалъ онъ въ 1840 г. въ своемъ извѣстномъ „манифестѣ“ *).

„Я спрашиваю кому изъ насъ троихъ всего болѣе чести принесло это свиданіе? Тому-ли старику семи-

*) Текстъ этого „манифеста“ приведенъ цѣликомъ въ извѣстной статьѣ Н. А. Добролюбова: „Робертъ Овенъ и ето попытки общественныхъ реформъ“.

десяти лѣтъ, который болѣе полувѣка искалъ пріобрѣтенія рѣдкой между людьми мудрости—съ одной цѣлью приложить ее къ облегченію бѣдствій несчастныхъ и который въ видахъ осуществленія своихъ плановъ позволилъ даже нарядить себя, какъ обезьяну, и склонилъ колѣно предъ молодой дѣвицей,—прекрасной, конечно, но вовсе не опытной? Или министру, который заставилъ этого старика подвергнуться этимъ формамъ этикета и потомъ, въ рѣчи, полной нелѣпостей, почти отрекся отъ всего этого дѣла, котораго былъ двигателемъ и которое нѣкогда будетъ, можетъ быть, считаться лучшимъ и важнѣйшимъ дѣломъ его управленія? Или, наконецъ, этой молодой дѣвушкѣ, предъ которой преклонялъ колѣни семидесятилѣтній старецъ?.. Что касается до меня, то я не считаю за честь быть представленнымъ никакому человѣческому существу, каково бы оно ни было.

„Двадцать два года тому назадъ въ адресѣ моемъ, представленномъ черезъ лорда Кастельре европейскимъ монархамъ, собравшимся на Ахенскомъ конгрессѣ, я объявилъ, что въ моихъ проэктахъ и дѣйствіяхъ я совершенно чуждъ всякаго желанія какихъ-нибудь почестей и привиллегій, на которыя всегда смотрѣлъ, какъ на дѣтскія побрякушки или мелочи, достойныя людей суетныхъ и малодушныхъ“.

Овену не удалось, конечно, пересоздать человѣчество, но зерна, брошенныя его теоретической и практической дѣятельностью не погибли, и выросшіе изъ нихъ развѣсистые дубы—рабочіе союзы и кооперативы—продолжаютъ расти и крѣпнуть.

Когда къ умирающему Овену подошелъ священникъ и спросилъ его, не жалѣетъ ли онъ „безумной растраты своей жизни въ непринятыхъ планахъ и въ безплодныхъ усиліяхъ“, великій человѣкъ съ великимъ достоинствомъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, сударь, моя жизнь не

была растрачена безполезно; я провозгласилъ міру важныя истины, и, если онѣ не приняты, то это потому, что ихъ не понялъ міръ. Какъ я стану за это винить міръ? Я въ этомъ отношеніи впереди своего времени".

Овенъ называлъ себя коммунистомъ, и ученіе его сводится къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

Человѣческое счастье требуетъ образованія человѣческаго характера. Характеръ зависитъ отъ наслѣдственности и внѣшнихъ условій. Человѣкъ—продуктъ соціальной среды. Онъ не отвѣтственъ за свои поступки: его не слѣдуетъ наказывать, его надо воспитывать. Для этого прежде всего нужно улучшить условія общественной жизни, поднять благосостояніе всѣхъ и каждаго; тогда каждый человѣкъ сдѣлается добрымъ другомъ себѣ подобныхъ. Напротивъ, капиталистическое общество, гдѣ господствуетъ мелочный эгоизмъ, свободная конкурренція, выгодная только для сильныхъ и пр., такое общество портитъ человѣческій характеръ. Рабочій и капиталистъ, имѣя противопожные интересы, находятся между собою въ постоянной борьбѣ.

Производителемъ является только рабочій классъ, такъ какъ богатство создается исключительно трудомъ. Классъ богатыхъ непроизводителенъ.

Справедливость требуетъ уничтоженія прибыли и ренты.

Освободиться рабочіе могутъ только собственными усиліями. Они должны освободиться отъ двойной эксплуатаціи: какъ производители и какъ потребители. Путь къ освобожденію—союзы или ассоціаціи. Рабочіе должны соединяться въ производительныя общества для пріобрѣтенія машинъ и самостоятельнаго производства продуктовъ.

Рабочіе должны соединяться въ тоже время и въ

общества потребительныя для покупки продуктовъ прямо у производителей помимо торговцевъ и вообще посредниковъ.

IV.

Общество временъ года.—Бланки.—Общество изгнанниковъ.—Шустеръ.—Общество справедливыхъ.—Вейтлингъ.

Фурьеристы, сенсимонисты и овенисты хотѣли добиться осуществленія своихъ идеаловъ мирнымъ путемъ, не принимая при томъ участія въ политической борьбѣ. Но на ряду съ ними, послѣ революціи 1830 г., когда ясно обрисовалась враждебность либеральной буржуазіи дѣлу освобожденія рабочаго класса, во Франціи, а затѣмъ и въ другимъ странахъ, стали образовываться тайныя коммунистическія общества, которыя ставили своею цѣлью путемъ заговоровъ и возстаній захватить политическую власть и затѣмъ революціоннымъ путемъ измѣнить весь общественный строй въ коммунистическомъ направленіи. Этому теченію далъ толчекъ освобожденный изъ тюрьмы Буанаротти, опубликовавшій послѣ іюльской революціи свою исторію заговора „равныхъ“, гдѣ въ пламенныхъ выраженіяхъ излагается ученіе Бабефа или такъ называемый „бабувизмъ“.

Въ концѣ 30-хъ годовъ бабувисты основали тайное „Общество временъ года“. Это странное названіе объясняется организаціей общества. Шесть членовъ общества со своимъ руководителемъ образовывали мѣстную группу—„недѣлю“. Руководитель назывался „воскресеньемъ“. Четыре недѣли составляли „мѣсяцъ“, руководитель „мѣсяца“ назывался „іюлемъ“; три мѣсяца

составляли „время года“ съ „весной“ во главѣ. Четыре „времени года“ образовывали „годъ“ съ „революціоннымъ агентомъ“ во главѣ. Изъ революціонныхъ агентовъ составлялся „революціонный комитетъ“. Каждый вступившій долженъ былъ клясться, что онъ готовъ пожертвовать жизнью за осуществленіе цѣлей общества, что онъ будетъ хранить молчаніе о происходящимъ въ обществѣ и т. д. За измѣну или неповиновеніе приказамъ комитета назначалась смертная казнь.

Во главѣ этого заговорщическаго общества стояли Августъ Бланки, Мартинъ Бернаръ и Барбесъ. Самымъ выдающимся былъ Бланки, ученики котораго (бланкисты) до сихъ поръ еще играютъ значительную роль въ соціально-политической жизни Франціи.

Программа общества „временъ года“ заявляла, что недостаточно совершить „политическую революцію“, что необходимо уничтожить всѣ рѣшительно правленія, иначе игра не стоитъ свѣчъ. Законной формой правленія можетъ быть только республика, такъ какъ „только она основана на равенствѣ, такъ какъ только она налагаетъ на всѣхъ равныя обязанности и даетъ всѣмъ тѣ же самыя права“.

Эти обязанности: „повиновеніе общей волѣ, преданность отечеству и братство по отношенію къ каждому члену націи“.

Соотвѣтствующія права: 1) Право на существованіе. „Разъ человѣкъ не отказывается работать, онъ долженъ имѣть обезпеченное существованіе“.

2) Право на образованіе, такъ какъ „умъ имѣетъ такое же право на жизнь, какъ и тѣло“.

3) Избирательное право и референдумъ (право требовать народнаго голосованія законовъ). „Но, такъ какъ общество находится въ болѣзненномъ состояніи,

то для перехода къ состоянію здоровому требуется въ теченіе нѣкотораго времени революціонная власть".

12 мая 1839 г. заговорщики сдѣлали попытку возстанія, построили въ Парижѣ баррикады и пр., но были быстро разбиты, не встрѣтивъ поддержки со стороны рабочихъ, не знавшихъ хорошенько изъ-за чего началось возстаніе.

Наивный въ своей вѣрѣ въ спасительную силу заговоровъ, Бланки былъ тѣмъ не менѣе очень вдумчивымъ соціологомъ, уже въ 1825 году, т. е. за 23 года до появленія манифеста коммунистической партіи, понявшимъ, что исторія всего предыдущаго общества была исторіей борьбы классовъ. „Я прослѣдилъ,—писалъ онъ,—великія событія. Всегда существовали только двѣ партіи: партія людей, желающихъ жить своимъ трудомъ и партія людей, желающихъ жить трудомъ другихъ..."

Ту же мысль въ болѣе опредѣленной формѣ черезъ четыре года послѣ Бланки высказалъ Базаръ.

Говоря въ своихъ рефератахъ объ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, онъ доказываетъ, что съ самого начала исторіи „люди раздѣлялись на два класса: эксплуататоровъ и экспуатируемыхъ, господъ и рабовъ"—и, что „условія, въ которыхъ по отношенію другъ къ другу прежде находились хозяева и рабы, патриціи и плебеи, помѣщики и крѣпостные, развились въ отношенія между собственниками и рабочими".

Черезъ 18 лѣтъ ту же мысль и почти тѣми же словами повторили Марксъ и Энгельсъ въ манифестѣ коммунистической партіи.

Нѣмецкія тайныя общества образовались по образцу французскихъ, и ихъ „центры" находились за-границей (въ Парижѣ, Лондонѣ, швейцарскихъ городахъ) и состояли, главнымъ образомъ, изъ эмигрантовъ.

Первымъ такимъ обществомъ былъ „Союзъ изгнанниковъ“, образовавшійся въ 1834 году въ Парижѣ и быстро установившій связи съ единомышленниками въ различныхъ городахъ Германіи (Бременѣ, Лейпцигѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и т. д.)

Руководителями союза были два бывшихъ приватъ-доцента Вильгельмъ Шустеръ изъ Геттингена и Яковъ Венедей изъ Гейдельберга. Масса членовъ состояла изъ подмастерьевъ различныхъ цеховъ. Союзъ издавалъ ежемѣсячный журналъ „Изгнанникъ“ подъ редакціей Венедея,

Венедей увлекался идеями католическаго соціалиста Ламеннэ, автора „Словъ вѣрующаго“ и примкнулъ къ его „положенію“: „Всякій имѣетъ право сохранить то, что имѣетъ, иначе никому нѣтъ надобности ничѣмъ владѣть; всякій имѣетъ право пріобрѣтать трудомъ, чего у него нѣтъ, такъ какъ иначе нищета была бы вѣчной“.

Для установленія соціальнаго равенства, по Венедею, достаточно политической свободы. Разъ государство будетъ „свободнымъ“, оно всѣмъ желающимъ работать обезпечитъ средства, необходимыя для существованія, установивъ налогъ на богатыхъ въ пользу бѣдныхъ. Впрочемъ, толковать о томъ, что и какъ будетъ послѣ политической революціи, по его мнѣнію, пустая болтовня.

Шустеръ былъ несравненно умнѣе, серьезнѣе и опредѣленнѣе Венедея. Въ своей поллемикѣ съ Венедеемъ на страницахъ „Изгнанника“ и въ „Мысляхъ республиканца“, изданныхъ въ Парижѣ въ 1835 г., онъ указываетъ на необходимую связь между положеніемъ соціальнымъ и положеніемъ политическимъ, между экономикой и политикой.

Политическія революціи—тщетны, если онѣ не сопровождаются переворотомъ соціальнаго строя. Режимъ

формальной свободы, основанный великой французкой революціей, является обманомъ, пока общество раздѣлено на два класса гражданъ, изъ которыхъ одни—бѣдны, невѣжественны и довѣрчивы, другіе—богаты, образованы и хитры. Никакіе законы въ мірѣ не могутъ помѣшать тому, чтобы первые не были рабами вторыхъ. Милліоны общественнаго богатства сосредоточены въ рукахъ небольшой группы и вы хотите, чтобы свобода была дана всѣмъ? Противорѣчіе, напоминающее желаніе примирить королевскую власть одного и волю всего народа.

Въ общемъ соціальномъ разложеніи одно существо—безсознательное, огромное, ненасытное—растетъ и увеличивается. Это—капиталъ. Онъ требуетъ себѣ плоды усилій другихъ, онъ присваиваетъ продукты промышленности, которая принадлежитъ всѣмъ, онъ для себя одного требуетъ радостей цивилизаціи, исключая изъ нихъ народъ, создающій эту цивилизацію.

„Если хотятъ, чтобы народъ увидѣлъ свѣтъ, то необходимо, чтобы будущая революція низвергла не только тронъ, но и монархію. И монархія, это—не разукрашенные гербы и королевскія короны; монархія, это—богатство“.

Въ современномъ обществѣ политическая власть въ рукахъ привилегированныхъ и богатыхъ. „Законъ покровительствуетъ союзу сильныхъ противъ слабыхъ, хозяевъ противъ рабочихъ. Онъ осуждаетъ и преслѣдуетъ оборонительный союзъ слабыхъ противъ сильныхъ, хозяевъ противъ рабочихъ“. Создалось общество, въ которомъ сосредоточенье богатствъ идетъ рука объ руку съ пролетаризаціей.

„Можно предвидѣть, что рано или поздно, огромное большинство рабочихъ будетъ охвачено революціонной яростью,... если широкія реформы энергично не положатъ конца неравенству“.

„Существованіе средняго класса сдѣлалось несовмѣстимымъ со структурой современнаго соціальнаго организма“.

„Крупные биржевые и промышленные бароны командуютъ надъ сотнями тысячъ служащихъ, влачащихъ жалкое существованіе въ ихъ конторахъ и надъ милліонами рабочихъ, которые чахнутъ, голодные и истомленные, въ ихъ мрачныхъ мастерскихъ“.

„Съ каждымъ днемъ все болѣе обостряется антогонизмъ двухъ классовъ: класса богатыхъ, которые потребляютъ, но ничего не производятъ, и класса бѣдныхъ, которые производятъ и всего лишены“.

Эта несправедливость можетъ быть уничтожена лишь такой общественной организаціей, при которой машины, уничтожающія работниковъ своей конкурренціей, будутъ отданы на службу этимъ работникамъ. Шустеръ требуетъ созданія рабочихъ производительныхъ товариществъ или ассоціацій съ государственной поддержкой. Шустеръ не думаетъ, чтобы государство согласилось на мирное рѣшеніе соціальнаго вопроса, но онъ считаетъ возможнымъ обратиться къ благоразумію богатыхъ, представленныхъ депутатами законодательныхъ собраній.

Имъ придется выбирать между миромъ и войной.

„Если вы отвергнете слово примиренія, если вы, какъ это было въ прошломъ, отвѣтите актами грубой жестокости на скромныя просьбы народа, тогда горе не народу, ибо дѣло народа не можетъ погибнуть, нѣтъ горе вамъ, богатые! Вы сами пожелаете вашего уничтоженія, и оно не минуетъ васъ. Вы не желаете соціальной реформы. Согнитесь же подъ соціальной революціей“. *)

*) При изложеніи взглядовъ Шустера мы пользовались „Введеніемъ“ Шарля Андлера къ его французскому переводу „Коммунистическаго Манифеста“.

Знакомясь со взглядами Шустера, кажется, что читаешь, если не Маркса, то Лассаля; между тѣмъ всѣ эти взгляды Шустеръ высказалъ, когда ни Маркса, ни Лассаль еще не выступали на литературно-общественное поприще!

Съ Венедесмъ Шустеръ не могъ долго ужиться. Почти тотчасъ послѣ основанія „Союза“ среди „изгнанниковъ“ начались несогласія, окончившіяся выходомъ Шустера и его сторонниковъ, состоявшихъ, большею частью, изъ пролетаріевъ. Поводомъ къ выходу было внесеніе въ уставъ союза безусловнаго повиновенія неизвѣстнымъ вожакамъ. Въ своемъ протестѣ противъ подобнаго уже слишкомъ „заговорщическаго“ принципа Шустеръ и товарищи прямо указывали, что имъ надоѣла игра въ революцію и что широкую пропаганду своихъ идей они ставятъ выше заговора.

Въ 1836 году они образовали новое общество подъ названіемъ Союзъ справедливыхъ. Среди членовъ союза выдѣлялись наборщикъ Карлъ Шапперъ, сапожникъ Геприхъ Бауеръ и особенно портной Вильгельмъ Вейтлингъ.

И какъ теоретикъ, и какъ практикъ, Вейтлингъ занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ исторіи коммунизма.

Онъ появился на свѣтъ незаконнымъ ребенкомъ въ 1808 г. въ Магдебургѣ. Дѣтство было тяжелое, полное всевозможныхъ лишеній и униженій. Изучивъ портняжное ремесло, онъ, по обычаю нѣмецкихъ подмастерьевъ, отправляется въ странствованіе по Германіи, работая то въ томъ, то въ другомъ городѣ. Это ремесленное странствованіе продолжается семь лѣтъ съ 1828 по 1835 годъ. Затѣмъ начинается странствованіе революціонно-эмигрантское, которое длится почти всю жизнь. Въ серединѣ 30-хъ годовъ онъ появляется въ Парижѣ и, проникнувшись идеями фран-

цузскихъ коммунистовъ, становится дѣятельнымъ членомъ „Союза равныхъ“. По порученію „союза“ онъ въ 1838 г. пишетъ своего рода коммунистическій манифестъ подъ названіемъ „Человѣчество, какъ оно есть и какъ оно должно быть“. Нѣмецкіе коммунисты въ Парижѣ (по большей части бѣдные подмастерья) сами набираютъ и печатаютъ этотъ первый литературный трудъ нѣмецкаго подмастерья. Проникая въ разные концы міра, книга эта является первымъ нѣмецкимъ вѣстникомъ международнаго коммунизма Написанная отчасти евангельскимъ языкомъ, она начинается призывомъ приступить къ „великой жатвѣ“. „Урожай великъ, хлѣбъ созрѣлъ, работы вдоволь, и такъ спѣшите, работники, чтобы начать жатву.

Поле жатвы—поле работы, работа—почетна и плата—безсмертна, ибо любовь къ ближнимъ—нашъ серпъ, и да будетъ намъ сталью, на которой мы его точимъ, истинно божественный законъ: люби Бога больше всего и своего ближняго, какъ самого себя. Вступайте же въ великій союзъ жатвы, всѣ, кому по сердцу такая работа, кому не тяжелы такіе серпы!

Урожай это—человѣчество, зрѣющее къ земному совершенству, и общность земныхъ благъ—его первый плодъ. Законъ любви зоветъ насъ къ жатвѣ, и жатва зоветъ насъ къ наслажденію. И такъ, если хотите пожинать, то слѣдуйте заповѣди любви“.

Вейтлингъ излагаетъ далѣе тяжелую нужду и полное безправіе трудящихся массъ, стараясь выяснить причины общественной несправедливости, а затѣмъ, приводя рядъ „коммунистическихъ“ мѣстъ изъ евангелія, совѣтуетъ работникамъ во всемъ строго держаться ученія Христа.

„У васъ есть заповѣдь любви къ ближнему, это пробный камень, на которомъ вы можете испытать истинность каждаго. Не вѣрьте тѣмъ, которые ста-

раются иначе говорить, чѣмъ они дѣлаютъ; это—или слабые, или обманщики, и въ обоихъ случаяхъ они—вредны, какъ народные учителя. Но тотъ, кто самъ жертвуетъ своимъ жизненнымъ счастьемъ, чтобы помочь освободить человѣчество отъ рабства и униженія, кто учитъ истинѣ и праву, кто вмѣстѣ съ нами работаетъ для нашего освобожденія, кто будитъ народъ изъ его тяжелаго сна, кто зоветъ его къ оружію противъ его притѣснителей, кто раздѣляетъ съ нимъ радость и горе, тотъ достойный пастырь народа. Религія, которой онъ васъ учитъ истинная, а не подложная; это—религія равенства и христіанской любви. Но такихъ людей вы не много найдете въ церквахъ, и никогда во дворцахъ. Если горе угнетенія смачиваетъ ваши рѣсницы, и месть клокочетъ въ вашей груди, прислушивайтесь къ ихъ одухотворенному голосу. Вмѣсто дворцовъ для нихъ строятъ темницы и вмѣсто роскошнаго ложа—эшафотъ, но Богъ будетъ ихъ мстителемъ!“

Но, прислушиваясь къ голосу истинныхъ пастырей народа, надо помнить, что главное—собственная сознательная вѣра въ правоту своего дѣла.

„Если у васъ есть вѣра въ ваше правое дѣло, то цѣль на половину уже достигнута; ибо своей вѣрой вы можете сдвинуть горы. Блаженъ, кто не видитъ, но все же вѣритъ. Но не слѣпая вѣра ведетъ къ цѣли, а вѣра, основанная на убѣжденіи. И вотъ существуетъ убѣжденіе, основанное на Христовой любви и на природѣ, и по этому убѣжденію никакое истинное человѣческое счастье невозможно для человѣчества безъ осуществленія слѣдующихъ основныхъ положеній:

1. Законъ природы и христіанская любовь—основа всѣхъ необходимыхъ обществу законовъ.

2. Всеобщее объединеніе всего человѣчества въ

одинъ большой семейный союзъ и устраненіе всѣхъ бездушныхъ понятій національнзма и сектантства.

3. Равное для всѣхъ распредѣленіе труда и равное пользованіе жизненными благами.

4. Равное воспитаніе и равныя права и обязанности обоихъ половъ согласно съ законами природы.

5. Отмѣна всякаго права наслѣдованія и собственности отдѣльныхъ лицъ.

6. Избраніе руководящихъ властей всеобщей подачей голосовъ. Ихъ отвѣтственность и смѣняемость.

7. Никакихъ преимуществъ для нихъ: равное съ другими участіе въ пользованіи жизненныии благами и уравненіе исполненія ими своихъ служебныхъ обязанностей съ рабочимъ временемъ всѣхъ остальныхъ.

8. Каждый въ предѣлахъ, не нарушающихъ права другихъ, пользуется наивозможно большей свободой слова и дѣйствій.

9. Для всѣхъ свобода и средства къ упражненію и усовершенствованію своихъ физическихъ и духовныхъ способностей.

10. Преступникъ можетъ быть наказываемъ лишь по отношенію къ его праву на свободу и равенство, никогда по отношенію къ жизни, а по отношенію къ чести лишь исключеніемъ и пожизненнымъ изгнаніемъ изъ общества.

Эти основныя положенія могутъ быть сведены къ немногимъ словамъ: „люби своего ближняго, какъ самого себя“.

Въ дальнѣйшемъ Вейтлингъ подробно описываетъ организацію будущаго общества, доказывая въ то же время всѣ выгоды имущественной общности.

Книга Вейтлинга имѣла большой успѣхъ, имя его сдѣлалось популярно среди нѣмецкихъ ремесленниковъ и рабочихъ въ особенности заграницей, тѣмъ бо-

лѣе, что съ теоретической пропагандой онъ связалъ практическое дѣло, устроивъ въ Парижѣ столовую на коммунистическихъ началахъ для портняжныхъ подмастерьевъ.

Въ 1840 г. Вейтлингъ, по порученію „союза справедливыхъ“ отправляется въ Швейцарію и въ слѣдующемъ году основываетъ тамъ организацію коммунистовъ, входящую въ „союзъ справедливыхъ“. Нѣсколько раньше подобная же коммунистическая организація подъ названіемъ „рабочаго образовательнаго союза“ основывается въ Лондонѣ другимъ членомъ „союза справедливыхъ“ Карломъ Шапперомъ. Эта организація, кстати сказать, до сихъ поръ еще существуетъ въ Лондонѣ.

Между организаціями парижской, лондонской и швейцарской поддерживается тѣсная связь.

Въ Швейцаріи организація вербуетъ членовъ почти во всѣхъ значительныхъ городахъ; повсюду неутомимый Вейтлингъ находитъ себѣ хотя немногочисленныхъ, но вѣрныхъ сторонниковъ, повсюду старается устроить коммунистическія столовыя, которыя оказываются истиннымъ благодѣяніемъ для рабочихъ, въ особенности иностранныхъ. Изъ швейцарскихъ коммунистовъ, сторонниковъ Вейтлинга особенно выдѣляются два революціонныхъ писателя: Августъ Беккеръ и Себастіанъ Зейлеръ, а также кожевенный подмастерье Симонъ Шмидтъ. При ихъ поддержкѣ Вейтлингъ сталъ издавать въ 1841 г. въ Женевѣ ежемѣсячный журналъ „Призывъ нѣмецкой молодежи“. Девизомъ его онъ выбралъ слова: „противъ интереса отдѣльныхъ личностей, насколько онъ вредитъ интересу всѣхъ, и за интересъ всѣхъ, не исключая интереса каждаго“. Въ первомъ же номерѣ онъ въ противоположность нѣмецкимъ революціоннымъ націоналистамъ, говорившимъ исключительно объ освобожденіи Германіи путемъ заговор-

щической дѣятельности, выдвигаетъ необходимость *открытой* пропаганды и братства *всѣхъ* рабочихъ во всемъ мірѣ. На ряду съ этой грандіозной задачей Вейтлингъ въ той же книжкѣ съ большою любовью говоритъ о маленькомъ дѣлѣ, объ устройствѣ коммунистическихъ столовыхъ. Ему мало было отдаленнаго идеала и пропаганды во имя его, онъ хотѣлъ немедленнаго практическаго приближенія къ нему. Онъ требовалъ поэтому, чтобы всѣ коммунисты избѣгали всякой роскоши, помогали другъ другу, были терпимы къ недостаткамъ товарищей, называли другъ друга братьями и говорили между собою на ты.

Организаціонная и редакціонная работа, усиленная переписка и устная пропаганда, все это не помѣшало Вейтлингу написать и въ декабрѣ 1842 г. выпустить въ свѣтъ свое основное сочиненіе „Гарантіи гармоніи и свободы“. Расходы по изданію этого сочиненія опять-таки взяли на себя рабочіе-коммунисты, изъ которыхъ нѣкоторые отдали всѣ свои маленькія сбереженія, сдѣланныя „на черный день“. Въ „Гарантіяхъ“ Вейтлингъ подробнѣе и основательнѣе развиваетъ многія идеи, уже высказанныя имъ въ „Человѣчествѣ каково оно есть и каково оно должно быть“. Онъ меньше ссылается на Евангеліе, но вліяніе французскихъ коммунистовъ, въ особенности Фурье и Кабэ чувствуется еще сильнѣе. Человѣчество въ его „Гарантіяхъ“ превращается въ великій семейный союзъ. Имъ руководятъ не личности, а способности.

Всѣ руководящія мѣста занимаются тѣми или другими лицами въ зависимости отъ способностей, обнаруженныхъ ими въ присылаемыхъ на конкурсъ научныхъ изслѣдованіяхъ, проектахъ, открытіяхъ, рисункахъ и т. п.

Во главѣ всего управленія стоитъ „тріо“ или совѣтъ

трехъ. Эти трое должны быть величайшіе философы и геніи въ медицинѣ, физики и механикѣ.

Всѣ работы, какъ это предполагалъ и Фурье, раздѣляются на необходимыя, полезныя и пріятныя. Каждый работо-способный обязанъ трудиться извѣстное время, чтобы выполнить для общества свою долю необходимыхъ и полезныхъ работъ, за что онъ получаетъ отъ общества все, необходимое для удовлетворенія необходимыхъ и полезныхъ жизненныхъ потребностей. Вейтлингъ считаетъ для этого достаточнымъ 6 часовъ работы въ день. Что касается до работъ пріятныхъ, то къ нимъ никто не можетъ быть принуждаемъ. Каждому предоставляется для пользованія пріятнымъ работать столько, сколько онъ хочетъ, или совсѣмъ не работать. Часы исполненныхъ „пріятныхъ“ работъ и полученныя удовольствія (пользованіе пріятнымъ), выраженныя тоже въ часахъ работы, необходимой для ихъ осуществленія, заносятся въ „коммерческую книгу“, получаемую каждымъ работникомъ.

Этимъ „коммерческимъ книгамъ“, регулирующимъ производство и потребленіе, Вейтлингъ придаетъ очень большое значеніе. За проработанные „коммерческіе часы“ каждый можетъ воспользоваться соотвѣтствующимъ освобожденіемъ отъ часовъ обязательнаго труда и такимъ образомъ отдохнуть, совершить путешествіе и пр. „Комерческія книги“ возобновляются каждый годъ, чтобы ко вреду общества не могло накопиться большого запаса требованій на пользованіе результатами работъ пріятныхъ. Вейтлингъ предусматриваетъ злоупотребленіе „пріятнымъ“, напр., спиртными напитками и указываетъ средство борьбы съ этимъ. Такъ, напр., если пользованіе „пріятнымъ“ нарушаетъ общую гармонію и обусловливаетъ помѣщеніе работоспособныхъ членовъ общества въ больницы, то это потеря зачисляется въ расходы соотвѣтствующихъ предме-

товъ удовольствія. Такимъ образомъ, чѣмъ больше больныхъ алкоголиковъ, тѣмъ дороже водка.

При сильнымъ вредѣ отъ водки или другихъ „пріятныхъ“ продуктовъ Вейтлингъ указываетъ на возможность совершеннаго прекращенія даннаго производства.

Брачныя отношенія въ будущемъ обществѣ, по Вейтлингу, должны носить характеръ свободной любви. Къ современному браку онъ относится рѣзко отрицательно.

„Любовь—ядро орѣха, бракъ—скорлупа. Денежная система—червь, проѣдающій и портящій ядро. Огромное большинство грызетъ эту горькую и жесткую скорлупу. Вотъ вамъ все опредѣленіе нашихъ современныхъ браковъ“.

Паденіе современнаго брака представляется Вейтлингу освобожденіемъ женщины.

„Осуши свои слезы, бѣдная, несчастная, презираемая, истерзанная женщина и подумай, что много еще слабыхъ страдаетъ на землѣ. Когда-нибудь и къ тебѣ пробьется золотой лучъ освободительной зари, чтобы поцѣлуемъ осушить горячія, горькія слезы рабства на твоихъ влажныхъ рѣсницахъ. Тогда гордо посмотри въ глаза твоему тирану, ибо ты болѣе въ немъ не нуждаешься, никакой законъ болѣе не охраняетъ его; тогда и ты найдешь еще смѣлаго и честнаго человѣка, который растопчетъ ногами предразсудокъ толпы“...

„Гарантіи гармоніи и свободы“ были встрѣчены восторженно не только ближайшими учениками и сторонниками Вейтлинга, но и такими людьми, какъ Людвигъ Фейербахъ, Фридрихъ Энгельсъ и Карлъ Марксъ.

Фейербахъ назвалъ Вейтлинга „пророкомъ своего сословія“.

Энгельсъ — „единственнымъ нѣмецкимъ соціалистомъ, который что-нибудь сдѣлалъ“.

Марксъ писалъ: „Гдѣ буржуазія — считая и ея

философовъ и ученыхъ—могла бы указать твореніе, подобное „Гарантіямъ гармоніи и свободы“ въ отношеніи освобожденія. Сравните трезвую, шепотомъ говорящую посредственность нѣмецкой литературы съ этимъ безмѣрнымъ, блестящимъ дебютомъ нѣмецкихъ рабочихъ; сравните эти гигантскіе дѣтскіе башмаки пролетаріата съ карликовымъ ничтожествомъ стоптанныхъ политическихъ башмаковъ буржуазіи, и вы должны будете предсказать нѣмецкой Золушкѣ гигантскій ростъ!“

Успѣхи Вейтлинга и вообще коммунистовъ встревожили не на шутку швейцарскую буржуазію, и она нанесла Вейтлингу ударъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ готовился выпустить въ свѣтъ свое новое произведеніе „Евангеліе бѣднаго грѣшника“, гдѣ снова доказывалось, что Христосъ былъ пророкомъ свободы и любви. Въ ночь съ 8 на 9 іюня Вейтлингъ былъ арестованъ, а рукопись и корректурные листы конфискованы въ типографіи. Вейтлингъ былъ преданъ суду за кощунство и нападеніе на священную собственность. На судѣ Вейтлингъ держался гордо, не стараясь оправдываться. Судъ приговорилъ его къ 6 мѣсяцамъ тюрьмы съ вычетомъ 2 мѣсяцевъ предварительнаго заключенія. Дѣло было перенесено въ высшую инстанцію. Передъ высшимъ судомъ Вейтлингъ держалъ себя еще съ большимъ достоинствомъ, держалъ себя, если хотите, „вызывающе“.

„Законъ—говорилъ онъ, обращаясь къ „высшимъ“ судьямъ—подобенъ водѣ; оба для всѣхъ равны: но какъ на водѣ тотъ тонетъ, кто не умѣетъ плавать, такъ и по закону тотъ попадаетъ въ тюрьму, кто не можетъ платить“. „Что такое собственно справедливость—это философами все еще не установлено, не смотря на всѣ попытки. Религія говоритъ, что справедливость въ

томъ, чтобы дѣлать другимъ добро,—но требованіе наказанія другихъ нельзя назвать любовью къ ближнимъ".

„Я надѣюсь—съ улыбкою закончилъ свою рѣчь Вейтлингъ—что васъ осѣнитъ Святой Духъ, и вы вынесете мнѣ мягкій приговоръ".

„Мягкій приговоръ" заключался въ увеличеніи тюремнаго заключенія съ 6 мѣсяцевъ на десять и въ присоединеніи высылки изъ Швейцаріи (послѣ отбытія наказанія) на 5 лѣтъ.

По окончаніи срока тюремнаго заключенія Вейтлингъ былъ съ жандармами отвезенъ на германскую границу и здѣсь арестованъ по обвиненію въ уклоненіи отъ воинской повинности. Послѣ недолгаго пребыванія въ Магдебургской военной тюрьмѣ Вейтлингъ выпускается на свободу, какъ признанный врачами негоднымъ къ военной службѣ.

Въ августѣ 1844 года онъ уѣзжаетъ въ Лондонъ.

Здѣсь коммунисты встрѣчаютъ его очень дружелюбно, но хорошія отношенія сохраняются недолго: большинство не хочетъ слѣпо слѣдовать за Вейтлингомъ, и болѣзненно самолюбивый авторъ „Гарантій" покидаетъ Лондонъ. Въ 1846 году Вейтлингъ ѣдетъ въ Брюссель, гдѣ у него происходитъ столкновеніе и разрывъ съ двумя подымающимися коммунистическими свѣтилами: Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ.

Случайнымъ свидѣтелемъ исторической сцены разрыва между Вейтлингомъ и Марксомъ былъ извѣстный русскій писатель П. В. Анненковъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ *) онъ очень живо описываетъ столкновеніе двухъ великихъ коммунистовъ, изъ которыхъ одинъ

---

*) См. „Вѣстникъ Европы" 1880 г. Апрѣль. Анненковъ ошибочно относитъ сцену разрыва къ 1847 году, она происходила въ 1846 г.

представлялъ, такъ сказать, коммунистическое чувство (Вейтлингъ), другой—коммунистическій умъ (Марксъ). Приводя въ послѣдующихъ строкахъ это крайне интересное „воспоминаніе“, мы не можемъ удержаться, чтобы не захватить въ интересахъ нашихъ читателей и яркую характеристику Маркса.

„Самъ Марксъ—разсказываетъ Анненковъ—представлялъ изъ себя типъ человѣка, сложеннаго изъ энергіи, воли и несокрушимаго убѣжденія—типъ крайне замѣчательный и по внѣшности. Съ густой, черной шапкою волосъ на головѣ, съ волосистыми руками, въ пальто, застегнутомъ наискось, онъ имѣлъ однако же видъ человѣка, имѣющаго право и власть требовать уваженія, какимъ бы не являлся передъ вами и чтобы не дѣлалъ. Всѣ его движенія были угловаты, но смѣлы и самонадѣянны, всѣ пріемы шли наперекоръ съ принятыми обрядами въ людскихъ отношеніяхъ, но были горды и какъ-то презрительны, а рѣзкій голосъ, звучавшій, какъ металлъ, шелъ удивительно къ радикальнымъ приговорамъ надъ лицами и предметами, которые произносилъ. Марксъ уже не говорилъ иначе, какъ такими безаппеляціонными приговорыми, надъ которыми, впрочемъ, еще царствовала одна до боли рѣзкая нота, покрывавшая все, что онъ говорилъ. Нота выражала твердое убѣжденіе въ своемъ призваніи управлять умами, законодательствовать надъ ними и вести ихъ за собой. Предо мною стояла олицетворенная фигура демократическаго диктатора, какъ она могла рисоваться воображенію въ часы фантазіи. Контрастъ съ недавно покинутыми мною типами на Руси былъ наирѣшительный.

Съ перваго же свиданія Марксъ пригласилъ меня на совѣщаніе, которое должно было состояться у него на другой день вечеромъ съ портнымъ Вейтлингомъ, оставившимъ за собой въ Германіи довольно большую

партію работниковъ. Совѣщаніе назначалось для того, чтобы опредѣлить, по возможности, общій образъ дѣйствій между руководителями рабочаго движенія. Я не замедлилъ явиться по приглашенію.

Портной-агитаторъ Вейтлингъ оказался бѣлокурымъ, красивымъ молодымъ человѣкомъ, въ сюртучкѣ щегольватаго покроя, съ бородкой, кокетливо подстриженной, и скорѣе походилъ на путешествующаго комми, чѣмъ на суроваго и озлобленнаго труженика, какого я предполагалъ въ немъ встрѣтить. Отрекомендовавшись наскоро другъ другу и притомъ съ оттѣнкомъ изысканной учтивости со стороны Вейтлинга, мы сѣли за небольшой зеленый столикъ, на одномъ узкомъ концѣ котораго помѣстился Марксъ, взялъ карандашъ въ руки и, склонивъ свою львиную голову на листъ бумаги, между тѣмъ какъ неразлучный его спутникъ и сотоварищъ по пропагандѣ, высокій, прямой, по англійски важный и серьезный, Энгельсъ открывалъ засѣданіе рѣчью. Онъ говорилъ въ ней о необходимости между людьми, посвятившими себя дѣлу преобразованія труда, объяснить взаимныя свои воззрѣнія и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменемъ для всѣхъ послѣдователей, неимѣющихъ времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельсъ еще не кончилъ рѣчи, когда Марксъ, поднявъ голову обратился прямо къ Вейтлингу съ вопросомъ: „Скажите же намъ, Вейтлингъ, вы, который такъ много надѣлали шума въ Германіи своими коммунистическими проповѣдями и привлекли къ себѣ столькихъ работниковъ, лишивъ ихъ мѣстъ и куска хлѣба, какими основаніями оправдываете вы свою революціонную и соціальную дѣятельность, и на чемъ думаете утвердить ее въ будущемъ?“ Я очень хорошо помню самую форму рѣзкаго вопроса, потому что съ него начались горячія пренія

въ кружкѣ, продолжавшіяся, впрочемъ, какъ сейчасъ окажется, очень не долго. Вейтлингъ, видимо, хотѣлъ удержать совѣщаніе на общихъ мѣстахъ разглагольствованія. Съ какимъ-то серьезнымъ, озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ, онъ сталъ объяснять, что цѣлью его было не созидать новыя экономическія теоріи, а принять тѣ, которые всего способнѣе, какъ показалъ опытъ во Франціи, открыть рабочимъ глаза на ужасъ ихъ положенія, на всѣ несправедливости, которыя, по отношенію къ нимъ, сдѣлались лозунгомъ правителей и обществъ, научить ихъ не вѣрить уже никакимъ обѣщаніямъ со стороны послѣднихъ и надѣяться только на себя, устраиваясь въ демократическія и коммуническія общины. Онъ говорилъ долго, но, къ удивленію моему и въ противоположность съ рѣчью Энгельса, сбивчиво, совсѣмъ не литературно, возвращаясь на свои слова, часто поправляя ихъ и съ трудомъ приходя къ выводамъ, которые у него или запаздывали или появлялись ранѣе положеній. Онъ имѣлъ теперь совсѣмъ другихъ слушателей, чѣмъ тѣ, которые обыкновенно окружали его станокъ, или читали его газету и печатные памфлеты на современные экономическіе порядки и утерялъ при этомъ свободу мысли и языка. Вейтлингъ, вѣроятно, говорилъ бы и еще долѣе, если бы Марксъ, съ гнѣвно стиснутыми бровями, не прервалъ его и не началъ своего возраженія. Сущность саркатической его рѣчи заключалась въ томъ, что возбуждать населеніе, не давая ему никакихъ твердыхъ, продуманныхъ основаній для дѣятельности, значило просто обманывать его. Возбужденіе фантастическихъ надеждъ, о которомъ говорилось сейчасъ,— замѣчалъ далѣе Марксъ,—ведетъ только къ конечной гибели, а не къ спасенію страдающихъ. Особенно въ Германіи обращаться къ работнику безъ строго-научной идеи и положительнаго ученія равносильно съ

пустой и безчестной игрой въ проповѣдники, при которой, съ одной стороны, полагается вдохновенный пророкъ, а съ другой —допускаются только ослы, слушающіе его, разинувъ ротъ. „Вотъ,—прибавилъ онъ вдругъ, указывая на меня рѣзкимъ жестомъ,—между нами есть одинъ русскій. Въ его странѣ, Вейтлингъ, ваша роль могла бы быть у мѣста: тамъ, дѣйствительно, только и могутъ удачно составляться и работать союзы между нелѣпыми пророками и нелѣпыми послѣдователями".

„Въ цивилизованной землѣ, какъ Германія, продолжалъ развивать свою мысль Марксъ, люди безъ положительной доктрины ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ, кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самаго дѣла, за которое принялись".

Краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Вейтлинга и онъ обрѣлъ живую, свободную рѣчь. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ сталъ онъ доказывать, что человѣкъ, собравшій сотни людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской другъ другу помощи подъ одно знамя, не можетъ назваться совсѣмъ пустымъ и празднымъ человѣкомъ, что онъ, Вейтлингъ, утѣшается отъ сегодняшнихъ нападокъ воспоминаніемъ о тѣхъ сотняхъ писемъ и заявленій благодарности, которыя получилъ со всѣхъ сторонъ своего отечества, и что, можетъ быть, скромная подготовительная его работа важнѣе для общаго дѣла, чѣмъ критика и кабинетные анализы доктринъ вдали отъ страдающаго свѣта и бѣдствій народа. При послѣднихъ словахъ взбѣшенный окончательно Марксъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что зазвенѣла и зашаталась лампа на столѣ и вскочилъ съ мѣста, приговаривая:—„Никогда еще невѣжество никому не помогло!" Мы послѣдовали его примѣру и то же вышли

изъ-за стола. Засѣданіе кончилось, и покуда Марксъ ходилъ взадъ и впередъ, въ необычайномъ гнѣвномъ раздраженіи по комнатѣ, я наскоро распрощался съ нимъ и съ его собесѣдниками и ушелъ домой, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ".

Менѣе драматично, и съ иными подробностями, касающимися существа спора, тоже „засѣданіе" описываетъ самъ Вейтлингъ въ письмѣ къ своему другу Хессу 31 марта 1846 г.

„Мы собрались вчера вечеромъ — пишетъ Вейтленгъ — снова въ полномъ составѣ. Марксъ привелъ съ собой кого-то, кого онъ намъ представилъ, какъ русскаго, и который во весь вечеръ не произнесъ ни одного слова. Вопросъ былъ о томъ, какъ лучше всего вести въ Германіи пропаганду? Его поставилъ Зейлеръ, но заявилъ, что онъ въ этотъ вечеръ не можетъ входить въ его разборъ, такъ какъ ему пришлось бы коснуться многихъ деликатныхъ вещей и пр. Марксъ безуспѣшно насѣдалъ на Зейлера.

Оба разгорячились, Марксъ сталъ говорить очень рѣзко. Въ концѣ концовъ онъ самъ разъяснилъ вопросъ.

Выводы были таковы: 1) Нужно произвести въ коммунистической партіи чистку. 2) Она должна заключаться въ критикѣ членовъ негодныхъ для партіи и отдѣленіи ихъ отъ денежныхъ источниковъ. 3) Эта чистка—самое важное, что можетъ быть сдѣлано въ настоящее время для коммунизма. 4) У кого сила пріобрѣсти авторитетъ у денежныхъ людей, у того и средства вытѣснить другихъ, и онъ хорошо дѣлаетъ, если пользуется ими. 5) Съ „коммунизмомъ подмастерьевъ", съ „философскимъ коммунизмомъ" (эти подраздѣленія употреблены впервые Марксомъ или ужъ не знаю кѣмъ, только не мною) необходимо бороться; чувство слѣдуетъ высмѣять, оно просто головокруженіе, хмель; никакой устной

пропаганды, никакой организаціи тайной пропаганды, вообще самое слово пропаганда не слѣдуетъ въ будущемъ употреблять. 6) Объ осуществленіи коммунизма пока не можетъ быть и рѣчи. Сначала власть должна перейти къ буржуазіи. Здѣсь Марксъ и Энгельсъ очень рѣзко напали на меня. Вейдемейеръ говорилъ спокойно. Жиго и Эдгаръ—ни одного слова, Хейлбергеръ противъ Маркса съ безпартійной точки зрѣнія. Также Зейлеръ, но съ удивительнымъ спокойствіемъ и горечью. Я сдѣлался рѣзкимъ, Марксъ превзошелъ меня, въ особенности подъ конецъ всѣ возбудились и стали бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ. Марксъ въ особенности напалъ на мое резюмэ. Я сказалъ слѣдующее: такимъ образомъ изъ нашей дискуссіи явствуетъ, что кто найдетъ денежныя средства, тотъ можетъ и писать, что ему угодно... Я вижу въ головѣ Маркса хорошую энциклопедію, но не вижу генія. Богатые люди сдѣлали его редакторомъ, voilà tout (вотъ и все)... Я отложилъ мои работы о системѣ (коммунистической), когда увидѣлъ, что противъ этого со всѣхъ сторонъ подымаются голоса. Но, когда я узналъ въ Брюсселѣ, что противники системы предпринимаютъ хорошо оплачиваемый переводъ какъ разъ самой грандіозной работы о системѣ, тогда я закончилъ свою и сдѣлалъ попытки доставить ее по назначенію. Если ее не поддержатъ, то это будетъ вполнѣ въ томъ порядкѣ, при которомъ стараются во что бы то ни стало произвести такъ называемую „чистку“...

Видя, что въ „союзѣ справедливыхъ“ все болѣе и болѣе побѣждаетъ „марксизмъ“, разочарованный Вейтлингъ вышелъ изъ „союза“ и уѣхалъ въ Сѣв. Ам. Соединеные Штаты, гдѣ организовалъ коммунистическій союзъ „освобожденія“.

По порученію этого новаго союза онъ въ 1848 году снова вернулся въ Германію и поселился въ Берлинѣ,

но, не смотря на гарантіи неприкосновенности личности, завоеванныя мартовской революціей, его скоро оттуда выслали. Онъ перенесъ свою пропаганду въ Гамбургъ, но и здѣсь коммунизмъ признанъ былъ неудобнымъ. Въ августѣ Вейтлингу пришлось бѣжать въ Сѣверную Америку. Здѣсь онъ основалъ „союзъ рабочихъ“ и коммунистическую колонію „Коммунію“ въ Висконсинѣ. Органомъ этого союза и колоніи была газета „Республика рабочихъ“, редактируемая Вейтлингомъ. Въ колоніи въ 1853 году между коммунистами произошли несогласія, и она распалась, распался и „союзъ“, вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась и „Республика рабочихъ“. Вейтлингъ удалился отъ общественной дѣятельности, и въ часы, свободные отъ работы для поддержанія существованія своей многочисленной семьи, занимался астрономіей и различными изобрѣтеніями для улучшенія и облегченія портняжнаго ремесла.

Послѣдніе годы передъ смертью онъ занималъ нищенски оплачиваемое мѣсто писца при эмигрантскомъ бюро въ Нью-Іоркѣ. 25 января 1871 года онъ умеръ, оставивъ свою семью безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ моментъ смерти онъ былъ почти всѣми забытъ, никто даже не позаботился сохранить оставшіяся послѣ него рукописи; но теперь близится время, когда имя и, что еще важнѣе, идеи Вейтлинга будутъ извѣстны каждому сознательному пролетарію, какъ въ Старомъ, такъ и Новомъ свѣтѣ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ. Пролетаріи сумѣютъ отличить въ ученіи Вейтлинга истину отъ заблужденій, ибо имъ судьбой предназначено не только коммунистически мыслить, но и коммунистически жить.

V.

Союзъ коммунистовъ.—Карлъ Марксъ.

Вскорѣ послѣ выхода Вейтлинга изъ „союза справедливыхъ“ въ него по просьбѣ лондонской группы вступили Марксъ и Энгельсъ. Оба они въ то время (1847 годъ) были уже опредѣленными и при томъ значительными величинами.

Марксъ былъ сынъ крещенаго нѣмецкаго еврея, адвоката по профессіи; родился онъ въ 1818 г., слѣдовательно, въ моментъ вступленія въ „союзъ справедливыхъ“ ему было 29 лѣтъ; онъ заявилъ уже себя, какъ талантливый писатель по философіи, соціологіи, политикѣ, а также, какъ выдающійся редакторъ радикальной, но не соціалистической „Рейнской газеты“, издававшейся въ Кельнѣ и „Нѣмецко-французскихъ ежегодниковъ“, издаваемыхъ въ Парижѣ.

Въ первыхъ своихъ статьяхъ Марксъ выступаетъ какъ радикальный гегельянецъ и по поводу „свободы печати“ развиваетъ идеалистическіе взгляды на общество и „государство“.

Государство представляется ему въ видѣ „великаго организма, въ которомъ должна найти свое осуществленіе правовая, нравственная и политическая свобода“; „государственный гражданинъ повинуется въ государственныхъ законахъ только естественнымъ законамъ своего собственнаго разума, человѣческаго разума“.

Но постепенно Марксъ сталъ спускаться „на землю“ и, къ 1847 году гегелевская діалектика, стоявшая „на головѣ“, была уже перевернута имъ „на ноги“.

Гегелевскій методъ превратился для Маркса просто въ методъ изложенія, и подъ „діалектикой“ онъ сталъ понимать отрицаніе абсолютныхъ истинъ и абсолют-

ныхъ понятій и разсмотрѣніе или изученіе всѣхъ явленій въ ихъ непрерывномъ развитіи. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ гегелевскаго идеализма Марксъ постепенно превращается изъ буржуазнаго радикала въ пролетарскаго коммуниста.

Еще до вступленія въ „союзъ справедливыхъ“ Марксъ называлъ себя „коммунистомъ“ и съ тѣхъ поръ до самой смерти никогда не отказывался отъ этого названія. Свои научно-коммунистическіе взгляды въ періодъ до „манифеста коммунистической партіи“ Марксъ полнѣе всего развилъ въ „Нищетѣ философіи“, о которой мы уже говорили по поводу теорій Прудона. „Нищета философіи“ появилась незадолго до „Манифеста“.

Фридрихъ Энгельсъ былъ на два года моложе Маркса, онъ родился въ 1820 г. въ нѣмецкой семьѣ богатаго фабриканта. Свою „службу“ Энгельсъ началъ въ качествѣ привилегированнаго служащаго на фабрикѣ въ Манчестерѣ; это дало ему возможность наблюдать жизнь рабочаго класса въ Англіи и сойтись съ видными представителями англійскаго соціализма, въ томъ числѣ съ Овеномъ. Результатомъ была его замѣчательная книга „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“, появившаяся въ 1845 г. Въ этой книгѣ Энгельсъ становится на классовую пролетарскую точку зрѣнія и предсказываетъ для Англіи близкую пролетарскую революцію, какъ слѣдствіе готовящагося промышленнаго кризиса.

Не за долго до появленія въ свѣтъ „Положенія рабочаго класса“ Энгельсъ сближается съ Марксомъ, и между ними устанавливается непоколебимая дружба на всю жизнь.

Можно сказать, что дружеская духовная связь между Энгельсомъ и Марксомъ не прервалась даже послѣ смерти Маркса. Въ теченіе 20 лѣтъ, которые

Энгельсъ прожилъ послѣ смерти своего друга (въ 1883 г.), онъ занимался, главнымъ образомъ, разработкой и изданіемъ оставшихся послѣ Маркса многочисленныхъ незаконченныхъ работъ, такъ что онъ ежедневно какъ бы бесѣдовалъ со своимъ другомъ, привязанность къ которому никогда у него не ослабѣвала.

Рѣдкая, если не единственная въ своемъ родѣ, дружба Маркса съ Энгельсомъ была очень полезна для обоихъ; они поддерживали другъ друга, пробиваясь по трудному пути, ведущему къ познанію законовъ общественнаго развитія.

Въ „Союзъ справедливыхъ“ Марксъ и Энгельсъ вступили съ единымъ, одновременно у обоихъ сложившимся „матерьялистическимъ“ и въ то же время коммунистическимъ міровоззрѣніемъ.

Условіемъ своего вступленія они поставили созывъ конгресса организацій или такъ называемыхъ „общинъ“ союза для выработки новаго устава и программы.

Первый союзный съѣздъ состоялся лѣтомъ 1847 года въ Лондонѣ. На немъ присутствовали два друга Маркса: Энгельсъ и Вольфъ, самого же Маркса не было.

Съѣздъ занялся прежде всего организаціей союза, переименовавъ его въ *союзъ коммунистовъ*.

Былъ принятъ новый уставъ, по которому союзъ слагается изъ общинъ, округовъ, руководящихъ округовъ, центральнаго правленія и конгреса или съѣзда. Каждая община состоитъ по меньшей мѣрѣ изъ трехъ и самое большее изъ двадцати членовъ. Самое меньшее двѣ и самое большее десять общинъ образуютъ округъ. Различные округа страны или города состоятъ въ вѣдѣніи одного руководящаго округа. Окружное правленіе является исполнительной властью для всѣхъ общинъ округа, руководящій округъ для всѣхъ округовъ его провинціи. Онъ письменно сносится съ этими округами и съ центральнымъ правленіемъ. Центральное правленіе —

исполнительная власть всего союза и, какъ таковое, отдаетъ отчетъ конгрессу. Оно состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ 5 членовъ и избирается окружнымъ правленіемъ того мѣста, гдѣ назначается конгрессъ; каждые три мѣсяца оно составляетъ и разсылаетъ отчетъ о состояніи всего союза. Общины и окружныя правленія, точно также, какъ правленіе центральное, собираются, по крайней мѣрѣ, разъ въ двѣ недѣли. Члены окружныхъ и центральнаго правленій выбираются на годъ, могутъ быть выбраны вновь, но могутъ быть и смѣнены или отозваны избирателями въ любой моментъ.

Конгрессъ—рѣшающая власть союза. Каждый округъ, имѣющій менѣе 30 членовъ, посылаетъ одного делегата, менѣе 60—двухъ и т. д.

Конгрессъ собирается ежегодно въ августѣ и каждый разъ выпускаетъ манифестъ отъ имени партіи. Денежныя средства союза слагаются изъ взносовъ, которые должны дѣлать всѣ члены. Конгрессъ устанавливаетъ для каждой страны наименьшій размѣръ взноса.

Цѣль союза коммунистовъ указывается въ первомъ параграфѣ устава: „Низверженіе буржуазіи, господство пролетаріата, устраненіе стараго буржуазнаго общества, покоющагося на классовыхъ противоположностяхъ и установленіе новаго общества безъ классовъ и безъ частной собственности“.

Отъ каждаго члена, кромѣ исповѣданія коммунизма, требовались „революціонное рвеніе и энергичная пропаганда“.

Этотъ уставъ былъ предложенъ на обсужденіе отдѣльнымъ общинамъ и затѣмъ окончательно принятъ на второмъ союзномъ конгрессѣ, засѣдавшемъ тоже въ Лондонѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1847 г. Къ этому второму конгрессу, по порученію перваго, Марксъ и Энгельсъ подготовили проектъ манифеста съ изло-

женіемъ основъ ученія, объединявшаго членовъ союза. Этотъ проектъ подвергся основательной критикѣ со стороны нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ, бельгійскихъ и швейцарскихъ рабочихъ, представленныхъ на конгрессѣ. Послѣ *десятидневныхъ дебатовъ* всѣ сомнѣнія были разсѣяны, и авторамъ проекта единогласно было поручено выработать окончательный текстъ манифеста для опубликованія въ общее свѣдѣніе; при этомъ было рѣшено прежній кличъ союза справедливыхъ: „Всѣ люди—братья“ замѣнить новымъ. „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“! *).

Въ февралѣ 1848 г. „*манифестъ коммунистической партіи*“ появился на нѣмецкомъ языкѣ и вскорѣ затѣмъ былъ переведенъ на англійскій, французскій, датскій и польскій языки.

Онъ явился сжатымъ и сильнымъ выраженіемъ того, что думали и чувствовали наканунѣ революціи 48 года наиболѣе сознательные представители международнаго коммунизма.

Марксъ и Энгельсъ были какъ бы редакторами этихъ коммунистическихъ думъ и чувствъ. Авторомъ манифеста были всѣ видные коммунисты, жившіе до Маркса, Энгельса, и одновременно съ ними, въ томъ числѣ и тѣ пролетаріи различныхъ странъ, которые принимали такое живое участіе въ обсужденіи его проекта.

Достаточно сравнить коммунистическія ученія, кратко излагаемыя въ нашемъ очеркѣ **), съ основными по-

---

*) Свѣдѣнія о конгрессахъ „союза коммунистовъ“ заимствованы нами у Mehring'a, Geschichte der deutschen Socialdemokratie.

**) Въ предисловіи къ своему переводу „Коммунистическаго манифеста“ Плехановъ очень пространно доказываетъ, что основная мысль „манифеста“ до Маркса была высказана „революціонеромъ“ Гизо и другими идеологами буржуазіи. Мы предпочли указать на истинныхъ предшественниковъ Маркса, на коммунистовъ, хотя бы и „утопическихъ“.

ложеніями „манифеста“, полный переводъ котораго помѣщается въ этой же книжкѣ, чтобы убѣдиться, что Марксъ и Энгельсъ не внесли въ него ничего совершенно „новаго“, ничего, что не было указано тѣмъ или другимъ изъ ихъ предшественниковъ, но это не значитъ, конечно, чтобы они „списали“ манифестъ съ Консидерана или кого-нибудь другого, какъ увѣряетъ Черкезовъ. За ними остается большая заслуга талантливыхъ выразителей всего того, что было *живо* въ коммунизмѣ середины прошлаго столѣтія; они умѣло отбросили все, что было уже *мертво*.

„Манифестъ“ еще и нынѣ нельзя назвать мертвымъ, хотя „Союзъ коммунистовъ“ давно уже погибъ.

Единогласіе, съ которымъ былъ принятъ „манифестъ“, царило въ „союзѣ“ не долго. Разногласія начались подъ вліяніемъ жестокихъ разочарованій, которыя принесла пролетаріату буржуазная революція 1848 г.

„Манифестъ“ ошибся, увѣряя, что „нѣмецкая буржуазная революція можетъ быть лишь непосредственнымъ прологомъ революціи пролетарской“. Марксъ и Энгельсъ сознали свою ошибку, они поняли, что время пролетарской революціи еще далеко, что сознаніе пролетаріата еще не достигло коммунистической высоты. Имъ ясно было также, что союзъ коммунистовъ не можетъ „сдѣлать“ революцію и что ему приходится направить свою дѣятельность не на подготовленіе возстаній, а на развитіе классоваго сознанія пролетаріата. Въ этомъ духѣ имъ былъ составленъ циркуляръ центральнаго правленія въ мартѣ 1850 г. „Революціонеры“ союза съ Виллихомъ и Шаппероиъ во главѣ были возмущены, стали обвинять Маркса чуть-ли не въ измѣнѣ, заявляя, что для него „рабочіе—нули“. Марксистское большинство, въ которое входили кромѣ Маркса и Энгельса, Вильгемъ Либкнехтъ, Шраммъ

Бауеръ и др., рѣшили (15 сентября 1850 г.) для оздоровленія союза перенести центральное правленіе на германскую почву въ Кёльнъ, постановивъ въ то же время отмѣнить старый уставъ и поручить будущему кёльнскому правленію выработать новый. Виллихъ и товарищи, оставшіеся въ меньшинствѣ, покинули засѣданіе, на которомъ прошло это постановленіе, и, опираясь на лондонскихъ коммунистовъ, образовали въ Лондонѣ свое центральное правленіе. Союзъ распался на двѣ враждующія фракціи.

Дѣло дошло до дуэли на пистолетахъ между Виллихомъ и Шраммомъ, который былъ при этомъ легко раненъ.

Раздоры между членами союза облегчили задачу прусскаго правительства, ожидавшаго лишь удобнаго случая, чтобы напасть на коммунистовъ. Въ 1851 году начались аресты эмиссаровъ союза, а въ октябрѣ 1852 года передъ кельнскимъ судомъ присяжныхъ предстали 11 видныхъ „марксистовъ“ изъ кельнской коммунистической общины по обвиненію въ заговорѣ противъ существующаго общественнаго строя. Доказательствъ у обвиненія не было никакихъ по той простой причинѣ, что коммунисты марксистской фракціи были противниками заговорщической тактики, тѣмъ не менѣе присяжные вынесли семи изъ одиннадцати обвинительный вердиктъ; судъ приговорилъ обвиненныхъ къ заключенію въ крѣпости отъ 3 хъ до 6 лѣтъ.

Одинъ изъ этихъ обвиненныхъ, Лесснеръ, живъ до сихъ поръ и не смотря на свои 80 слишкомъ лѣтъ, съ юношескимъ энтузіазмомъ слѣдитъ за развитіемъ пролетарскаго движенія.

По окончаніи процесса марксистская фракція заявила о распущеніи „Союза коммунистовъ“, считая такое общество несвоевременнымъ. Вскорѣ прекратила свое существованіе и фракція Виллиха.

Время заговорщическихъ или, во всякомъ случаѣ, искусственныхъ коммунистическихъ союзовъ, подходящихъ къ пролетаріату, но не выходящихъ изъ его экономической борьбы, прошло, но это не значитъ, что остановилось развитіе коммунистическаго движенія.

Съ 50-хъ годовъ развитіе пролетарскаго движенія съ его профессіональными союзами и кооперативами, съ его частичными и всеобщими стачками, идетъ, прогрессивно возрастая, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣдрахъ буржуазнаго, капиталистическаго строя зараждаются элементы строя пролетарскаго, строя коммунистическаго. Условія труда, борьбы, всей жизни постепенно дѣлаютъ изъ пролетаріевъ людей-товарищей, людей-коммунистовъ, которымъ предстоитъ перевернуть міръ въ дѣйствительности, между тѣмъ, какъ коммунисты-утописты и коммунисты-теоретики перевертывали его только въ своихъ головахъ; но этотъ дѣйствительный переворотъ, какъ намъ кажется, произойдетъ безъ потоковъ крови, безъ жестокихъ насилій надъ личностью. Пролетарская революція не будетъ походить на кровавыя революціи буржуазныя. Ея пути новы, какъ новъ и прекрасенъ ея возвышенный идеалъ. Не смертью, а жизнью побѣдитъ пролетаріатъ и побѣдитъ для жизни, которая будетъ прекраснѣе и свободнѣе, чѣмъ жизнь въ тѣхъ „утопіяхъ“ и „фаланстерахъ“, которыя рисовали намъ коммунисты XVIII и XIX вѣка.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ ГАЗЕТУ

„ТРУДОВОЙ СОЮЗЪ“.

Редакція ставитъ своею задачею содѣйствовать самодѣятельности трудящихся массъ въ улучшеніи ихъ матерьяльнаго положенія и въ ускореніи ихъ духовнаго развитія путемъ созданія союзовъ, потребительно-производительныхъ товариществъ, народныхъ университетовъ и т. п.

„Трудовой Союзъ“ постарается при этомъ быть голосомъ самихъ рабочихъ и крестьянъ, давая имъ широкую возможность высказываться на его страницахъ.

Первый номеръ выйдетъ въ февралѣ.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою на годъ—**2** р.; на 6 м.—**1** р.; на 3 м.—**50** коп.

Подписка принимается въ редакціи „Библіотеки Рабочаго“ ежедневно отъ 2—4. (Спб. Кирпичная ул., д. 6 кв. 11).

Пробный номеръ высылается за 7 коп. почт. марку.

Редакторъ-издатель *М. А. Куклина.*